

Олег РОЙ

ТЕНИ СУДЬБЫ

НОВЕЛЛА

Олег Юрьевич Рой

Тени судьбы

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22197249
Олег Рой. Тени судьбы (новелла): Эксмо; Москва; 2016
ISBN 978-5-699-94858-1*

Аннотация

Мы живем в вечном страхе. Порой нам бывает страшно признаться даже себе в своих истинных чувствах, в своих желаниях, в своих мыслях. А все потому, что мы боимся, что кто-то может увидеть нас настоящих, искренних, ранимых, а потому, беззащитных... Мы боимся лишний раз сказать близким людям, как они для нас дороги и как сильно мы их любим, а тем, кого не любим, боимся сказать, что пришло время расстаться... Мы боимся. И в то время, пока мы скованы страхом, за нас начинают говорить наши тени.

Содержание

Часть 1. Славик	6
Пролог	6
Тень первая	7
Тень вторая	14
Тень третья	18
Тень четвертая	22
Тень пятая	25
Тень шестая	34
Тень седьмая	40
Тень восьмая	44
Тень девятая	50
Тень десятая	54
Тень одиннадцатая	58
Тень двенадцатая	62
Тень тринадцатая	64
Тень четырнадцатая	66
Тень пятнадцатая	67
Часть 2. Светлана	68
Пролог	68
Тень первая	72
Тень вторая	79
Тень третья	85
Тень четвертая	92

Тень пятая	99
Тень шестая	105
Тень седьмая	108
Тень восьмая	112
Тень девятая	117
Тень десятая	121
Тень одиннадцатая	126
Тень двенадцатая	128
Часть 3. Друг	130
Пролог	130
Тень первая	132
Тень вторая	138
Тень третья	142
Тень четвертая	146
Тень пятая	149
Тень шестая	152
Тень седьмая	154
Тень восьмая	158

Олег Рой

Тени судьбы (новелла)

© Резепкин О., 2017

© Оформление. ООО "Издательство "Э", 2017

Часть 1. Славик

Пролог

Она, как верная подруга, шла за ним по пятам. Когда ему было грустно, склоняла голову над бедой, когда весело, размахивая руками в порыве радости, вместе с ним провозглашала счастливый период жизни. Когда он влюблялся, она знакомилась с его избранницей и без ревности предлагала ей свою дружбу. Сопровождала каждое его объятие, каждый наклон, каждое движение. Она была спутницей его жизни. Молчаливой и покорной. В темноте ему казалось, что она покидает его, боится мрака и прячется от страха в угол. Но стоило свету коснуться его тела, как она сразу же оказывалась рядом, как бы говоря: «Не переживай, я с тобой...» Его неизменная подруга... Его близнец... Его тень.

Тень первая

Утро февраля было морозным. Холод не на шутку сковывал снежными объятиями не только дрожащие от ужаса деревья, но и тела людей. Выйти из нагретой машины означало оказаться в пространстве огромного холодильника. Вернее – морозильной камеры с включенным вентилятором. Сложно представить столь запутанную картину. Но ветер был настолько порывистым и сильным, что без стеснения прорывался к телу через полушубки, перчатки и меховые сапоги.

Молодой человек с букетом нежных роз, по цвету похожих на снег, вышел из машины. «Голубое небо зимой – к ясной и устойчивой погоде», – взглянув вверх, вспомнил он слова любимой бабушки, которая жить не могла без примет, поговорок и великих премудростей. И это чудесно, ведь вот-вот в его жизни произойдет самое главное событие...

Молодой человек радостно бежал навстречу новому чувству. Он жадно глотал холодный воздух, улыбался всему миру и, словно пытаясь обогнать свою тень, перепрыгивал через небольшие лужицы, в которых игриво купались лучи солнца. Почти восемь с половиной месяцев он готовился к этой счастливой

встрече. Он жил в ожидании и волнении, в радости и сомнении, в мыслях о будущем. И вот сегодня, в черном парадном костюме под зимним пуховиком, он готов увидеть свое счастье, взять его на руки, заглянуть ему в глаза и прошептать на ушко: «Люблю тебя!» Волнение, конечно, присутствовало. «А справлюсь ли я? Смогу ли вырастить свое счастье, окутать его вниманием и заботой?» Ряд бессмысленных вопросов приобретал масштабы огромного кома, похожего на голову снежной бабы, которая с морковкой в носу поглядывала на него «глазами» в виде двух зеленых пуговиц. «Интересно, а какого цвета глаза у счастья? Карие, как у любимой, или голубые, как у меня?...» – подумал он и тут же задрожал от мысли, что через каких-то пару минут будет держать в руках зернышко Вселенной.

Когда в середине июня прошлого года он услышал, что любимая девушка ждет от него ребенка, то даже не знал, радоваться этому или принять как факт, дар молодости. Ведь ему всего 22 года! 22! До сих пор он был всего лишь тенью своих родителей, людей обеспеченных и состоятельных. За собственными плечами не было ни опыта, ни финансов. А девушка так и вовсе была девчонкой, которая пару дней назад справила 20-летие. Юная и очаровательная... Ну как можно не влюбиться в отражение молодости

и доверия миру? В ее глазах не было и тени расчета. Любовь в районе двадцати лет... Это фейерверк эмоций и чувств, которые накаляются и либо с разрушительной силой падают в пропасть разочарований, либо взмывают к небесам и становятся нереальной радостью в формате 3D. Так вот, когда однажды, ранним летним утром, он услышал перезвон фразы «Дорогой, у нас будет малыш», то подумал, что все это не иначе, как красивый сон. Но, открыв глаза и увидев опущенные ресницы той, которая была рядом, понял, что теперь любовь не витает в облаках, а гуляет по земле. Поступать легкомысленно он не собирался. Конечно, родители не пришли в восторг от предложения сменить роли – с мамы на бабушку, с папы на дедушку. Но, что поделать? Мать ворчала, мол, о чем ты думал, закончил бы институт, влюбился бы осознанно... Осознанно? Это слово зацепило его за душу сильнее всего. Он не понимал, как можно влюбиться осознанно? Это ведь не партнера для партии игры в шахматы выбрать! Отец только хлопнул его по плечу и выполнил родительский долг – принял положение сына, вернее, его девушки: «Сынок, если ты поступишь легкомысленно, мир опутает тебя сетями и превратит твою жизнь в тень, – философствовал он. – А все потому, что в тебе не будет ни стойкости, ни постоянства. Учись принимать ответственность за свою

жизнь и за поступки, которые ее наполняют».

Мать с отцом вечерами вели бессмысленные споры о судьбе сына. Все эти разговоры «выводили его из себя», он не мог понять, как мама может выступать против его выбора. Да и вообще, почему она, женщина, не понимает другую женщину, более молодую?! Почему не войдет в ее положение? Вернее, в ее положении она оказалась еще раньше, а именно в 17 лет, когда беременная выскочила замуж за его отца, молодого офицера. Отец неоднократно об этом напоминал, но в ответ звучала потертая временем фраза «Другие времена, другие нравы...» Наконец, все эти пересуды остались далеко в прошлом. Тень сомнений, конечно, преследовала его, но не «переходила дорогу», не мешала устроиться на хорошую работу, снять квартиру и переехать туда вместе с избранницей. В общем, жизнь не ставила ему подножки. И вот сегодня он идет навстречу новой роли – молодого отца. Он увидел, как возле роддома остановилась черная машина, из которой сначала вышел отец, а затем мать. Не заметив сына, они направились к парадным дверям совершенно непарадного заведения. И вот опять это жуткое состояние... Когда так хочется свернуть все события в белый конверт и, как посылку, отправить его обратно, к анонимному «дарителю». Он почувствовал где-то внутри, под кожей, страх.

Он настойчиво шептал: «А вдруг мама была права? Ведь ты сам еще ребенок! Ты еще со своей жизнью не определился, а уже берешь на руки другую...» Возле дверей роддома его охватило новое чувство смущения, которое в народе называют «тенью страха». Да, он почувствовал себя чужаком, потому что остальные мужчины, поглядывающие на окна, оказались значительно старше его, да и выглядели они более солидно. На него же смотрели как на брата, приехавшего к сестре, или как на сына, встречающего мать. Но тень обладает уникальным свойством – растворяться в небольших лужицах, путешествовать по стенам домов, вести ночной диалог со свечкой или ночником. У нее существует масса интересных, не видимых человеку дел. Видимо, и в этот раз она витала в своих пространствах, так как отражение страха мигом прошло, когда в окне появился любимый силуэт, держащий в руках белый лист бумаги с какими-то нарисованными цифрами. Только потом он догадался, что 3 кг 800 г – это вес малыша, а 49 см – его рост. Наконец открылась дверь, и в февральский стылый день вышла изрядно похудевшая, но такая родная и желанная Она, его Любовь, а вместе с ней девушка в белом халате, держащая сверток. Нянечка окинула взором дрожащего от волнения папашу и тут же погрузилась в свои мысли: «Господи, какие они молодые! Отец, на-

верное, еще даже не бреется. Три года я здесь работаю, вижу счастливые лица мужчин, которые благодарят судьбу за счастье, которые готовы носить женщин на руках. Три года я передаю эти свертки, принимаю взамен цветы и думаю только об одном... Будет ли у меня когда-нибудь подобное в жизни? Наверняка эти люди сейчас придут в теплый уютный дом, сядут за накрытый стол и станут осыпать друг друга приятными словами... Эх, а мой... Мой, должно быть, уже пьяный, лежит под столом. И почему я все время следую за ним как за тенью? Родить от него для себя? А стоит ли? Вернее, стоит и сколько стоит... денег. Нет, не потяну. Надо отдать ребенка, а то папа уже покрылся красными пятнами от волнения». Передав сверток счастья, нянечка взяла в правую руку букет белоснежных роз и скрылась за металлическими дверьми родильного дома. А на улице, вокруг малыша, уже начала разворачиваться приятная кутерьма – все норовили поцеловать молодую маму и ее малыша. Это было похоже на обряд прикосновения к святому, избавляющему от всех грехов. Да, быть может, так оно и есть. Ведь даже луч солнца поспешил увидаться с новой жизнью. С его приходом на заснеженном асфальте тут же заиграла тень маленького комочка в юных, но не дрогнувших руках отца.

* * *

«Куда я попал? Ужас какой-то... Как было хорошо там, в тепле, когда мама меня гладила и разговаривала со мной. Тогда я чувствовал себя хорошо. Мне было не страшно жить. А сейчас до меня все пытаются дотронуться. Фу, как противно! Надо заплакать. Громко-громко, так, чтобы они испугались. Ой, что-то ослепило меня. Что это? Головка пока не держится, падает. Но я вдруг увидел что-то очень интересное. Там, внизу, кто-то стоял и держал на руках сверток. Причем покачивал его из стороны в сторону точно так же, как делал это мой папа! Вот это да! Я даже плакать перестал...»

Тень вторая

Я уже взрослый! Вчера мне исполнилось целых четыре года. Когда задувал свечки на торте, то на стене увидел тебя. Наверное, ты наблюдаешь за мной, я не раз замечал, как ты крадешься то сзади меня, то спереди. Причем от тебя не убежишь! Сколько раз я пробовал! Ничего не получается. Мама говорит, что к тебе надо привыкнуть, что ты тень, которая будет преследовать меня всю жизнь. Сначала мне это очень не понравилось. Ведь теперь я не смогу украдкой брать с полки шоколадные конфеты. Вдруг ты кому-нибудь это расскажешь, и тогда меня накажут. В общем, я понял, что с тобой лучше подружиться. А еще мне очень нравится играть с солнечными зайчиками. Правда, папа не верит, что это ты их создаешь. Он говорит мне, что тебе в этом помогает зеркало, которое отражает свет, и что солнечный луч, попадая в зеркало, живет другой жизнью, чем остальные лучи солнца. Но мне проще поверить в то, что это ты играешь со мной. Ведь я тебе верю! А все потому, что вчера загадал желание и кивнул тебе, а ты ответила мне точно таким же приветствием. Значит, исполнится моя мечта, Светка обратит на меня внимание! Если бы не она, то в детский садик ни за что бы не ходил и не ел бы эту

жуткую манную кашу. А так у меня все прекрасно! Гуляю на свежем воздухе и, как говорит мама, расту не по дням, а по часам. Правда, что такое время, не могу понять. Для меня это просто игрушка с двумя стрелками, которые я поворачиваю во все стороны. Хотя сегодня я не хотел играть с часами. Обиделся. На Светку. Дура она! Притащила в садик две конфеты и не дала мне ни одной! Ладно бы спрятала и съела в туалете, никому не показывая. Так нет же, при мне развернула сначала один фантик, потом другой и проглотила шоколадные конфеты. А ведь вчера я поделился с ней коржиком, который испекла моя мама... Пашка тоже хорош. Надоел, жуть как! Мало того, что сам не спит в тихий час, так он еще и меня будит! А воспитательнице, тете Нине, все равно, кто виноват, ей главное кого-нибудь наказать. Вот и кричит она на меня, а потом жалуется маме, которая тут же начинает ругаться и тянуть за ухо. Что за несправедливость? Только папа меня понимает. Вечером я забираюсь к нему на коленки, и мы читаем сказки. Наверное, когда я вырасту и стану таким большим, как отец, обязательно буду сочинять различные истории. Папа говорит, что я стану писателем. Мне очень нравится придумывать то, чего не существует. Это же так интересно – создавать свой мир! И в нем обязательно будешь ты, моя подруга, тень. Эх, все хорошо, вот только Светка ду-

ра. Все-таки зря я поделился с ней коржиком. Вкусный был. Молодец, мамочка. Когда она возится на кухне, я всегда стараюсь ей помочь – то картошку почистить, то тарелку вымыть. Все потому, что я обожаю запах еды. Боже мой, какая у меня мама! Вон за Витькой мама через раз приходит, а отца у него вообще нет. Как это может быть? Я не понимаю. Как-то раз, когда мы сидели на утреннике и Витька опять принялся гримасничать, тетя Нина начала на него кричать: «У всех дети как дети, с мамами и с папами, а ты, беспризорник, никому не нужен». От ее слов мне почему-то стало очень грустно. А потом и вовсе жутко, когда я услышал разговор воспитательницы с незнакомой женщиной: «Маме Витька особо не нужен, она своей жизнью занимается. Отец ушел от них давно. Спился, говорят. А потом женился на другой, которая оказалась лучше. Пить перестал, а к этим вообще не заходит. Вот и бегают ребенок, как оборванец, шалопай из него вырастет». На что тетя в черной шляпе ответила: «Да уж, тюрьма по таким плачет. Живой выкидыш». Неприятные тети с огромными и толстыми тенями на стене. Нет уж, ты, моя тень с ведерком в руках, никогда такой не станешь. Я не понимал значение новых слов, но почему-то мне стало страшно. Непонятно. Почему не всем детям раздают по паре родителей? Почему у меня есть красивый и сильный папа, а у Витьки толь-

ко грузовичок да куклы, которым он постоянно отгрызает головы. Светка свою маму называет по имени – Таня. А кто-то сказал, что Таня вовсе и не ее мама. Но это уже сложно. Вот мне с папой повезло. Когда я залезаю к нему на шею, как он говорит «на закук-ры», и мы идем домой, то все тети улыбаются отцу. И мне заодно. А ты, моя тень, наверное от гордости, увеличиваешься почти на всю улицу! Правда, иногда ты куда-то исчезаешь. Однажды, когда шел дождь, я не увидел тебя рядом. Искал, звал, плакал, но так и не нашел. Думал, что ты бросила меня, ушла к другому мальчику. Но как же я мог в тебе сомневаться? Ведь уже на следующее утро, когда в коридоре мама обувала меня в кроссовки, ты «сидела на стене» и ждала вместе со мной. Все, хватит думать, пора идти гулять, тетя Нина уже пересчитывает всех по головам. Где же Светка? Какая бы она ни была дура, надо взять ее за руку и проверить, исполняются желания или нет, ведь вчера ты кивнула мне в ответ! Ура! Она согласилась! Какой же я счастливый! Мы весело шагаем со Светкой по дороге, держимся за руки, и... я вижу тебя! Но ты почему-то не одна... Ты тоже идешь с кем-то за руку и так же весело и беззаботно размахиваешь руками. И еще ты так же, как и я, держишь в руке ведро, из которого торчит лопатка для песка. Как же здорово, что мы нашли друг друга!

Тень третья

Мама купила мне черный портфель. Какой он все-таки большой и вместительный. Папа говорит, что если я положу туда все свои учебники, а их у меня уже много – три штуки, и еще четыре тетрадки и дневник, то смогу его поднять. Я ведь теперь взрослый и сильный! На днях папа подарил мне гантели. Правда, он каждое утро поднимает металлические, а мне почему-то купил резиновые. Ну, да ладно, начну с этих, так как те слишком тяжелые, я пробовал их как-то поднять с пола, но не смог. Ничего страшного, совсем скоро я вырасту и стану таким же красивым и сильным, как отец. Сажу в коридоре с ранцем за плечами и жду маму, которая сказала мне давным-давно, что через пять минут мы выходим. Теперь я кое-что знаю о времени. По словам мамы, оно быстро летает, а по словам папы, еще и протекает сквозь пальцы! А еще лечит раны, калечит сердца и куда-то уносит в прошлое или будущее... Лично для меня время – это 16 часов вечера. Тетя Нина выводила нас в четыре часа парами на площадку, на которой все дружно катались на качелях, возились с игрушками, прыгали через скакалку и играли в классики. Хотя все это было не так важно, как то, что в этот час я держал за руку Светку.

И сейчас я с грустью думаю о том, что все счастливые часы остались в прошлом... Зато я теперь взрослый. Сажу в школьной форме, которую мне купил папа, правда, пуговицы, застегнутые под самое горло, почему-то очень давят на шею, да и башмаки жмут. Ну ничего, потерплю. Наконец из ванной вышла мама. Красивая, с другим лицом. Не таким, с каким ходила утром. Как ей удастся менять лица, я не понимаю. По дороге в школу мы зашли на рынок и купили букет. Пять красных роз. Мама сказала, чтобы я подарил их своей первой учительнице. На мой вопрос «Как я ее узнаю?» она, расплачиваясь с продавцом, ответила: «Я тебя к ней подведу». Интересно, какая она, моя первая учительница? Почему мама сдает меня в чужие руки и еще велит мне подружиться с какими-то ребятами? Хотя... я теперь взрослый! Как говорит папа, надо налаживать связи. Несмотря на то что школа находится через дорогу, мы с мамой чуть ли не бежим на линейку. Никак не могу понять, почему она говорит, что время летит так быстро, когда, кроме нее самой, никто никуда не летит?! Разве что моя подруга, тень, которая так же, как и я, несется с ранцем за плечами и большим букетом цветов на линейку. Смешная такая! Когда я перепрыгнул через лужицу, она поступила точно так же. Теперь надо посмотреть направо и налево, ведь переход дороги – дело серьезное. Мама

не раз говорила, чтобы я внимательно смотрел по сторонам и на большой столб, мигающий тремя цветами. Я запомнил, что самый хороший цвет – это зеленый. Он разрешает переходить через дорогу. У меня в руках букет, а за спиной ранец с тремя учебниками, тетрадками, дневником и пеналом с авторучками, и самое главное: мама положила мне в рюкзак красивый и вкусный бутерброд с колбасой. Ну вот, начинается взрослая жизнь! Ура! Мама поправляет на мне школьную форму и повторяет, что мне надо подружиться с одноклассниками, ведь впереди 11 лет школьной жизни. 11 лет! Много это или мало? Наверное, много, судя по тому, как мама расширила свои карие глаза.

Моя первая учительница мне не понравилась. Какая-то старая и злая тетка в очках. Лучше бы я подарил букет Светке. Хотя Светка дура... Сказала мне «привет», а потом подошла к какому-то мальчику и стала с ним разговаривать. Мне грустно. Но вдруг появилась ты, такая большущая, прям на весь асфальт! Рядом с тобой кто-то стоял... Я обернулся и увидел, что со мной, в пару, поставили какую-то девочку с огромными бантами. Эх, жаль, что это была не Светка. Нас повели на спортивную площадку, где гремела музыка. После выступления танцевального ансамбля и слов какой-то важной тети, которую зовут Директор, о том, что все мы вступаем во взрослую жизнь, про-

звенел звонок, и тут я увидел, как стайки ребят направились к дверям школы, и за каждым из них следовала ты...

Тень четвертая

Хороший, зеленый цвет светофора не работал. Я присоединился к толпе и уставился на красный фонарь, который всем пешеходам откровенно бросил вызов. Не люблю я красный цвет. Не замазать его, не стереть, не соскоблить бритвой. Как пятно, которое мама называет трудновыводимым. Но мне все равно. Лучше вообще не переходить эту дорогу! Первая двойка... Тяжело идти домой со знанием того, что придется показать ее родителям. Конечно, она не первая... Просто до этого мне удавалось прятать плохие оценки от мамы с папой – иногда исправлял, иногда договаривался с учителями, чтобы не вырисовывали в моем дневнике страшных загогулин, похожих на змей, а теперь... Пришло время отвечать за свои проступки, как говорит папа. Конечно, я мог бы выдрать страничку, если бы эта грымза в очках не приписала внизу красным, чтобы родители обязательно явились в школу. Ой, как мама расстроится... Кричать, наверное, будет... Три года приносил домой только четверки и пятерки. А папа так и вообще возьмет ремень да отлупит меня или не разрешит мне идти в секцию, и ребята без меня будут играть в футбол. Ужас. А ведь все это случилось из-за Светки! Из-за нее я прослу-

шал, куда впадает Волга. Эх, Светка, Светка... Сколько же от тебя проблем. И сидишь ты, как назло, прямо передо мной и так поправляешь свои волосы, что я готов всю Волгу и то, куда она впадает, преподнести тебе на день рождения. Да и тень твоя все чаще стала приставать к моей. Когда я шепчу тебе что-то на ухо, она тут же наклоняется ко второму силуэту на белой стене, который то и дело поправляет волосы и красиво кивает головой. Ну, наконец машины решили пропустить пешеходов. Можно идти. Эх, пошел бы сейчас дождь! Тогда бы я намочил ноги, промок до нитки и заболел бы ангиной. И мама, накладывая на спину горчичники со всхлипываниями «Господи, как же это случилось?», с папой, который будет готов сделать все, только чтобы я выздоровел, узнают, в чем причина. А причина-то в двойке. И они простят меня. А может быть, и нет... Ладно, пойдем, подруга дней моих суровых... Вот по литературе у меня никогда не бывает плохих оценок, а все потому, что у меня есть ты, ведь в книжках я знакомлюсь с невидимыми героями, которые становятся моими друзьями.

Маленький человечек шагал по дороге, залитой солнцем, с опущенной головой, волоча за собой ранец, в котором лежали уже пять учебников, шесть тетрадей и один тяжелый, ненавистный дневник. Тень не бежала впереди него, а плелась позади, и ей

было так же страшно, как и ребенку, который впервые в жизни смотрит в глаза проблеме. Он оглянулся и, увидев ее рядом, почувствовал себя намного лучше. Трудности цепляются к одиноким. Они заполняют пустоту. Он был не один, за ним следовала тень, а значит, где-то поблизости светило солнце.

Тень пятая

Впервые в жизни я оказался на перекрестке дорог. Сажу сейчас на лавочке возле школы, в тени, ветерок дует, а на сердце как-то грустно. Одиноко. Странно, мне 16 лет, а такое ощущение, что я уже дед. Да и взрослые подмечают, что мои мысли не соответствуют годам – меня не тянет заглядывать под девичьи юбки, я лишь любуюсь красотой ног, не хожу в ночные клубы, а лишь включаю по вечерам Acid Cool и до дыр заслушиваю альбом. Мне нравится мечтать. Может, это и звучит глупо, по-девичьи, но я постоянно рисую в воображении собственную жизнь лет через семь. Тогда, когда я сам буду выбирать знания, которые хочу раскрыть для себя, а не из года в год пересказывать то, что написано века назад. Да, мне нравится создавать что-то новое, непохожее на бесконечные переказы, которые по сути своей являются обычной тенью былых времен. В это мгновение порыв ветра раздвинул ветви яблони и дал возможность солнечным лучам осветить школьную скамью, исписанную глупыми фразами. Лучи заиграли с полосками теней. Когда-то от папы я услышал, что тень – это чернила, которыми пишет солнце... И с тех пор не просто заглядывался на асфальт, рассматривая свои движения, а

сделал тень главной героиней своих рассказов. Она стала моей музой, моим вдохновением и собеседником, готовым часами выслушивать мои монологи.

Девятый класс вот-вот останется упакованным в потертый рюкзак, а я... я или присоединюсь к толпе, покидающей стены этой «казармы», и пойду в какое-нибудь речное училище, либо останусь «протирать штаны» еще на два года. Родителям меня не понять, да и самому мне сложно разобраться в вопросе «Кем стать?». Маме главное, чтобы я получил диплом. Она то и дело говорит, что без аттестата – я никто, только тень. И что звание хорошего человека нужно заслужить непосильным трудом. Я готов! Но почему мне никто не может дать ясный ответ, в какое дело требуется вложить свой труд? Почему вокруг меня столпились одни тени – от людей, деревьев, лавок, проезжающих машин?.. Они облепили меня со всех сторон! Как будто нашли того, кто понимает их жизнь и пытается научиться говорить на их языке, недоступном для множества людей. Хороший человек... Кто он? Богатый дядя, который занимает пост директора крупной компании, или одинокая соседка по этажу, которая сутки напролет проводит в поликлинике, принимая психически больных людей? Или тот, про которого говорят – богатый внутренний мир? Но знать бы, где ж этот мир находится внутри меня и какие «валю-

ты» принимает на свой счет.

Тяжело на душе. Единственное, что спасает меня от грусти, это листы бумаги, карандаши и собственные мысли. Да и рассказы мои, как выяснилось, не такие уж и плохие, то ли из-за того, что пишу их слишком эмоционально, как бы проводя переговоры с бумагой, то ли у многих, как у меня, нет на душе покоя. На олимпиаде по литературе моя история про тень завоевал золотую медаль. А медаль, в свою очередь, бросила тень на свет, вернее, на Светку, которая тут же бросила Пашку и стала бросать в мою сторону нешуточные, порой даже провоцирующие взгляды. Странная она! Я ведь с пятого класса проявлял к ней внимание – и записки писал, и в анкетах отвечал, что она мне нравится, и валентинки на 14 февраля дарил. А ведь никакого толку от этого не было! Выбрала она Пашку! Ох уж эта Светка... Красива – не то слово! Как озеро отражает красоту природы в своих прозрачных водах, так и ее глаза отзеркаливают лучи солнца. Была бы она сейчас рядом... Но нет, я один, со своей тенью. И все чаще я стал приходить к выводу, что люди боятся только себя, боятся оставаться наедине со своими мыслями, бегут, спотыкаясь о собственную тень, и только ночью переводят дыхание и погружаются в сон. А моя тень становилась все больше и больше, росла и приближалась к свету. Вернее, к Светке, ко-

торая в начале нашей дружбы, когда я ходил за ней по пятам, убегала от меня, а когда моя жизнь забила ключом и я решил посвятить все время творчеству, сама стала бегать за мной, как тень. Смешная, но до чего же красивая... Слава богу, что она еще два года будет сидеть за партой. Да и я, наверное, тоже. А потом поступлю в университет. Мама хочет, чтобы я стал юристом, следил за порядком, но мне тошно становится от этой мысли, ведь став юристом, я так или иначе окажусь союзником нарушений, буду тихо стоять в тени и ждать, пока кто-то переступит за грань дозволенного. Какой ужас – питаться за счет правонарушителей. Нет уж, извольте. Папа на моей стороне, называет меня тенью Пушкина и пророчит славу писателя, что, несомненно, будоражит мое воображение. А пишу я ночью. Тогда, когда моя комната наполняется свежестью воздуха, когда лампа борется с мраком и образует на стене светлый полукруг, когда тишина внимательно наблюдает за моим творческим процессом и оберегает меня от внешних звуков. Это мое пространство, моя игра теней. А вот и звонок на урок, надо бежать, да и солнце уже вовсю прогоняет «второе я» с любимой лавочки.

На уроке алгебры мне по-прежнему душно, так, как будто я сижу в рубашке с затянутым воротником, а пуговицы давят на шею, оставляя отпечатки. Ненавижу

теоремы, задачи и квадратные уравнения и все их тени – химические и физические смеси. Решебник под партой – таблетка от головной боли. Механически переписывая ряд пустых цифр, я задумываюсь о том, что люди выдумывают трудности точно так же, как эти задачи. Поэтому я подглядываю в ответы без тени страха за свое незнание, ведь мое призвание уже ждет меня... И моя тень меня не осуждает, она на моей стороне. Последняя контрольная работа. Уже завтра мы, девятый класс под буквой А, рассыплемся как осколки когда-то красивой чашки. Жалко прощаться с ребятами. Особенно с Лехой и Пашкой, который хоть и дуется на меня за Светку, но все-таки проголосовал за мое сочинение на викторине. Да и сколько лет мы, трое друзей, провели вместе, как лучшие братья. Это сейчас я сижу и смотрю на все со стороны, превращаясь в романтика. А ведь год назад мы с Лехой гоняли на роликах, прыгали с гаражей и мухлевали во время игры в бутылочку, когда он отвлекал красивую девочку, а я тем временем якобы силой мысли направлял бутылку в ее сторону... А сколько историй у нас с Пашкой... Только он слушал по телефону мои рассказы в одиннадцать ночи, угукая в ответ, мол, красиво пишешь. Только он рассказывал мне о том, что любит Светка и что приводит ее в бешенство. Ведь именно от Павла я узнал, что она обожает психоделические

мультфильмы, верит в инопланетян, до полуночи сидит «ВКонтакте», от волнения начинает грызть ногти и что на правом плече у нее татуировка в виде морской ракушки. Познание ее «черточек» стало моим хобби. Но сейчас я понимал, что теряю друзей, которые выбрали колледжи... Не представлял, как буду жить без них, как будут проходить мои дни без угрюмого Пашки и веселого Лехи? Хотя отец как-то раз сказал мне, что школьные годы – лучшее время для раздачи клятв верности и дружбы. И он был прав, сколько же лозунгов мы произнесли во имя дружбы... не счесть! Но папа предрек и будущее этим бескорыстным отношениям... Проходит лето, и все друзья, которые месяц назад были теми, про которых говорят «не разлей вода», растворяются во взрослой жизни. И бывшая дружба становится лишь призраком, пугающим память.

Спортивный зал превратился в ночной клуб, наполненный множеством разноцветных бликов. На стенах танцевали лазерные лучи, под потолком кружили воздушные шары, на полу неистово двигались тени... Их было множество! Они наступали друг на друга, переплетались, сливались в единую фигуру. Под звуки надрывающего сердце своей искренностью и грустью хита «Я к нему поднимусь в небо» твоя тень приблизилась к моей... Они шли навстречу друг другу так, как будто ничто, даже буря, шторм и кораблекру-

шение не смогут их разлучить. Когда ты оплела мою шею дрожащими и холодными руками, я почувствовал, как тысячи мурашек разбежались по телу, передавая дрожь моей тени, которая сливалась с твоей... Вот бы сделать закладку в этом моменте жизни и навсегда сохранить в памяти прикосновение твоих губ, слегка влажных и безумно нежных. Светка, Светка... теряю голову, даже тень не вижу... Только твои глаза. От счастья я залпом опрокинул бокал шампанского. Правда, домой возвращался как во сне. Слава богу, что Светка ушла раньше, а то стыдно было бы... Вроде и немного выпил, подумаешь, всего-навсего пару бокальчиков, ах да, еще я попробовал водку... Ну и гадость же! Как же ее пьют? Даже лекарства по сравнению с ней проигрывают. До дома осталось дойти всего-то ничего, несколько шагов, но они давались мне с трудом. Пара фонарей, наклонив голову, «смотрели под ноги», а я наконец-таки был счастлив увидеть тебя, моя тень, бредущей по желтой стене многоэтажки. В то мгновение ты была похожа на жалкого актера, пародирующего роль. Тебя качало из стороны в сторону, как парус на ветру. Ты бесцеремонно заглядывала в окна, то растворяясь в свете, то исчезая в темноте. Голова кружилась так, будто я только что прилетел из космоса. Ужас! Что теперь скажут отец с матерью?! Как мне посмотреть им в глаза?! О чем я думал,

когда пил эту гадость... Мне хотелось найти конец себя. Нашел. Дурак, еще испугался, что папа унюхает, и сжевал лавровый лист по совету пацанов, которые называли себя ветеранами выпивки. Наконец подъезд родного дома. В окне горит свет. Не спят. Ждут. Меня. Открыв дверь, мама заахала, заохала и отошла в сторону. Папа вышел из кухни с ножом в руках и неочищенным яблоком. Мне захотелось провалиться сквозь землю. Секунды недоумения сменились криком. Влетело по полной. Мама хотела поставить меня в угол, папа – дать ремня. Лучше бы они высыпали мне и выполнили свои обещания, вместо того, что совершили на самом деле. А именно, они покинули кухню со слезами на глазах. Хоть бы свет погасили... Так нет, оставили. Я опустился на табуретку и долго смотрел на белую стену. Даже тень уткнулась в угол и притаилась, не шевелясь. Сидит себе спокойно, наверное, ей там хорошо, не то что мне... Как же я завтра буду смотреть в глаза родителям? Да уж, тени везет, у нее нет глаз... Она всего лишь отражение, без мыслей и чувств. Впервые в жизни я разозлился на тебя, моя тень, и, ринувшись к письменному столу, схватил тетрадку с повестями о тебе и разорвал несколько страниц «твоей жизни». Мне надоело то, что ты постоянно меня преследуешь! Что молчишь, когда надо сказать, что потакаешь всем моим прихотям, когда надо

остановиться, да просто меня бесит, что ты в самых трудных моментах опускаешь голову. Да, я злился на собственную тень...

Тень шестая

18 лет... 11 класс...1 год любви... Теперь я начинаю кое-что понимать о времени и вспоминать слова матери о том, что оно утекает, уплывает, испаряется... Я часто думаю о том, что делаю, о том, что говорю, об интонации и манере поведения, о построении речи в общении, о том, что я надеваю и как чувствую себя в том или ином наряде. Кто-то может оценить меня лишь по внешности и иным чертам, но мало кто интересуется тем, что я представляю из себя там, под кожей, там, где находится самое сокровенное и откровенное. А вообще, я осознал, что для каждого человека в этом мире я всего-навсего тень своего настоящего Я. Ведь каждый наделяет меня своими взглядами, по-своему воспринимает мои слова и поступки. Но меня мало волнуют чужие мысли. Гораздо интереснее проникнуть в голову и сердце Светки. Наша первая ночь была самой шикарной из всех в мире ночей. Когда родители уехали на дачу и бросили на прощание ничего не значащую фразу «будь молодцом», я тут же набрал заветный номер. Мое приглашение выпить чашку кофе, только что привезенного из Египта, Светка приняла не сразу. Сначала она притворилась, что слишком занята, но, почувствовав, что

я не особо настаиваю на встрече (ловкий ход!), тут же принялась делать «ход конем», мол, полчаса она в личном графике она все-таки сможет мне уделить. Когда через шесть часов после телефонного разговора раздался звонок в дверь, я увидел как ты, моя тень, рванулась к входной двери рысью, как будто я тебе безумно надоел, и ты жаждала новой встречи, способной развлечь тебя или... увлечь? Увидев Светку, даже ты, моя тень, не шелохнулась, застыла на месте. Вот это да! Вместо школьной формы – облегающее платье, вместо привычного пучка – золотистые кудри, свисающие до талии, которая подчеркнута ремнем. О Боже, Светка! А лицо... да любая звезда померкнет на твоём фоне! Длинные ресницы, чувственные глаза, сексуальные губы... Я утонул в ней. Едва дотронувшись рукой до пряди волос, как будто ожидающей прикосновения, я понял, что значит удар тока прямо в область сердца. О кофе не было и речи. Светлана ответила мне на поцелуй, и я, взяв ее на руки, бережно понес в спальню родителей. Поцелуи становились все сильнее и проникновеннее. Свечи, которые я зажег до ее прихода, освещали всю комнату, отчетливо вырисовывая два силуэта. Пламя разрассталось с такой же страстью, что и наши желания. А обоим транслировали прямой эфир первой любви. На белоснежных стенах тени сливались друг с другом и

невозможно было различить, где находится моя тень, а где ее... Мы растворились друг в друге так, как мороженое плавится в горячем кофе. Светке досталась роль кофе... Терпкий, ароматный, бодрящий, он проникал в каждый атом моего тела. Ночь обожгла нас обоих – меня и мою тень, которая неистово, страстно училась искусству любви. Как нам показалось, рассвет забрезжил раньше обычного. Спешить на уроки не было особой необходимости, школьное собрание назначено на полдень. Наконец-таки нам выдадут дипломы! Как я рад, что за плечами остались эти три невыносимые буквы – ЕГЭ. Не сказать, что мои баллы оправдали ожидания родителей, но все же позволили мне поступить в университет. Причем, не в какой-нибудь безымянный, а в самый что ни на есть престижный – МГИМО, факультет международной журналистики. Когда увидел свою фамилию в списке зачисленных на первый курс, подпрыгнул до самого потолка от радости! А мама с папой так и вовсе чуть не задушили меня в объятиях. Хотя за день до этого я изрядно потрепал им нервы, сообщив, что намерен снять квартиру и жить со Светкой. Почти год как мы вместе спим. Хорошая она девочка, хотя и наивная. До сих пор верит в какие-то сказочные истории, мифических героев и жаждет встретиться с неопознанными летающими объектами. Дурочка, но красивая...

Не то слово! Иногда проснуться страшно, вдруг ее нет рядом... А сегодня ее действительно не было. Смятое одеяло было прижато к стенке, на подушке остался лишь темно-русый волос. Светкин! Нет, больше так нельзя... Она стесняется, убегает из дома ни свет ни заря, а я мучаюсь догадками – где она, что делает, с кем встречается. Надо устроиться на работу и снять квартиру. Вон Пашка, на год младше меня, а уже всю деньги зарабатывает – и мать кормит, и сам, хоть и выглядит неряшливо, не сидит на шее у родителей. Хороший парень. Еще в детский садик вместе ходили, я даже помню, как дразнил его малым. А сейчас, кто из нас мал, сложно понять... Он? Который работает, учится, встречается с девушками, по вечерам гоняет в футбол, или я – безработный студент, который не может ни девушке сделать подарок, ни отстать от кошелька родителей. Ну ничего, как говорит отец, время все расставит на свои места. Вчера пришла повестка явиться в военкомат. Для матери это извещение стало поводом принять 20 капель валокордина. Для отца – провести со мной мужской разговор. Когда мы сели на кухне друг напротив друга, я посмотрел на папу другими глазами. В прежних он был молодым, веселым оптимистом, от одного его взгляда женщины «таяли на глазах», сейчас же я увидел следы усталости, которые были ясно отражены в глубо-

ких складках на лице. В этом году отцу стукнуло сорок. Видимо, эта дата означает какую-то важную веху в жизни мужчины. Папа выглядел значительно старше своих лет. Возможно, причина была в сердечной недостаточности – такой диагноз установил врач после многочисленных обследований. Чего же не доставало его сердцу? Может быть, любви? Папа стал все больше уходить в себя, будто бы медленно погружался на дно жизни. А мама, по-моему, делала вид, что ничего не видит. Она все так же продолжала трещать с подругами по телефону, неестественно хвататься за сердце в случае каких-то неприятных новостей и постоянно обвинять отца в его несостоятельности. Не знаю, то ли я раньше не замечал, что родители попросту не любят друг друга, то ли срок их отношений истек недавно. Самое главное, мне не хотелось, чтобы у нас со Светкой все вышло вот так... Без концовки. Но сейчас не об этом... Отец, как всегда, не давил на меня своими взглядами на жизнь, не твердил «послушай мудрого человека», а позволял просмотреть варианты событий. Сначала он предложил мне получить отсрочку от армии, затем – поступить на военную кафедру в университете или же... проявить характер и принять вызов народа. Всю ночь я ворочался с одного бока на другой, путаясь в собственных мыслях. С одной стороны, мне было страшно стать реальным

участником этой жестокой мужской игры. С другой, я понимал, что этот этап нужно пройти, чтобы потом не прятаться ни от кого, а смотреть в глаза честно и говорить: «Да, я прошел через это, да, я видел сражения, да, была дедовщина». Дедовщина... Что с ней поделаться? Да ничего! Кто только не брался вырвать ее «корень»... Хотя, если честно, как бы я ни пытался казаться самому себе храбрым, это давалось мне с трудом. Да, я боялся. Как вспоминал рассказы бывалых пацанов, которые по возвращении из армии превращались в искалеченных жизнью людей, так дрожь пробегала по всему телу. Под утро я принял решение. Надо идти. Чтобы потом, через пару лет, можно было посмотреть в глаза сыну и сказать – твой отец служил родине! Да и многого за год я не упущу. Главное, чтобы Светка не ускользнула из моей жизни. Это стало бы самой большой потерей. Да нет, такого быть не может. Она любит меня и следует за мной, как и прежде, тенью... Кстати, о тенях... Я все реже обращаю внимание на собственное отражение. Я больше не придумываю жизнь какому-то непонятному отпечатку на стене или на асфальте. И, перечитывая рассказы о твоих скитаниях, улыбаюсь своей наивности. Ведь тебя нет. Ты всего лишь перевертыш. Простой, бессмысленный перевертыш...

Тень седьмая

Кроме тебя, не вижу ничего... Ты вернулась, и я принимаю тебя с прежней силой и ясностью. Опять я посвящаю тебе все свои мысли, диалоги, буквы, от написания которых внутри меня разлетаются искры гнева и злости, и опять я нахожу в каждом твоём движении глубокий смысл. Больше всего на свете мне хочется, чтобы ты двигалась в этом дыме, тумане, под этими выстрелами и ничтожными ударами. Полгода достаточно, чтобы понять всю жестокость войны. Если война – это тень мира, то я выхожу из игры, в начале которой ощущал то же самое чувство, что и в детстве: будто бы пуговицы впечатывают свои следы в мое тело. Шинель на размер меньше, от постоянного ношения кирзовых сапог кожа ног превратилась в лохмотья с кровавыми мозолями. Снять сапоги разрешают только ночью, на время сна. Зачем? Ведь это единственное время, когда глубоко наплевать, что на тебе надето. Потому что в сон не то что проваливаешься, а вливаешься всеми клетками тела. Я уже даже не плачу по ночам, сил нет на эмоции и чувства. Да какие тут могут быть разговоры о чувствах? Они превратились в кровавое месиво, смешались с грязью. Да и все эти разговоры про воспитание духа в армии – пу-

стой гон. Ну вот скажите мне, как может человек развивать в себе какие-то ценности, пожимая каждый божий день руку смерти? Внутренний мир от таких кошмаров не то что обогатится, а сто раз поперхнется при виде жестоких теней дьявольских промыслов. Вместе со мной только боевая подруга, которая так же, как и я, маршируя по плацу, напоминает мне неудавшегося робота. Неужели я так выгляжу? Шинель, автомат через плечо, сапоги, шапка... Смешно! Просто смешно... Вот уж армия закрутила-завертела мою жизнь. И это несмотря на то, что я не был солдатом-срочником, который тут же становился хребтом армии. Нет! Я служил по контракту, но это не спасло меня от тяжелого груза безжалостно рвущих сердце мыслей. Как запах табачного дыма въедался в волосы, так и запах армии въедался в подкорку сознания. В казарме пахло перловой кашей, тушенкой, дешевыми сигаретами, а также построениями, разводами, караулами, полигонами, техникой, оружием, мордобоем и смертельными боями. Ужасен был запах боли раненых товарищей и запах смерти. Единственное, что не оправдало худших ожиданий, так это дедовщина. Она не особенно была популярна в нашей казарме. Все как-то старались войти в положение друг друга. Но все же многие ребята потеряли себя, стали собственной тенью, которая, покорно склонив голову, следовала за

командным голосом гражданина начальника. Страшно. Я оказался в рядах батальона ОРБ – отдельно-го разведывательного батальона. Завтра опять идти в горы. Тяжело. Тяжело осознавать, что потихоньку из твоей жизни исчезают друзья, а вместе с ними и вера во что-то лучшее. А уж когда пуля разорвала жизнь Пашки, я рыдал так, что ребята насильно открывали мне рот и заливали в него горькую водку. Пашка... сколько же лет я наблюдал за тобой! С детского садика мы дружили, и даже соперничество из-за Светки не смогло нас разлучить. А теперь... В тот день все мы прекрасно знали, что идем в засаду. Знали! Но что теперь дадут эти огрызки терзаний и можно ли было избежать этой жуткой участи? И, самое главное, я не мог понять, зачем родине нужны мертвые тела? Вчера провожал Пашку в иной мир. Цинковый гроб катил на тележке. В этом мне помогала только ты, моя тень, которая всячески пыталась успокоить свою подругу – тень, падающую от гроба. Да и тележка то и дело скрипела, присоединяясь к вам. Она тоже отбрасывала на пол аэродрома свое корявое отражение. В этот день все казалось мне бессмысленным и ненужным. Взлетно-посадочные полосы превратились в сплошные длинные тени, провожающие мою юность, мой открытый взгляд на мир, мои рассуждения о красоте жизни в далекий путь. В иной мир. Как будто вме-

сте с гробом Пашки я отправил в небо весь свой багаж прежних мыслей. Похоронив надежды, вдохнул воздух реальности. Холодной, прознающей насквозь. Лютая зима злорадствовала пуще прежнего. Метель неистово швыряла в лицо вихрь колющих белых частиц. Но мне не хотелось укрыться от зимы. Она почему-то напоминала мне что-то знакомое... Будто именно такой характер был у тени, рожденной вместе со мной, 20 лет назад.

Тень восьмая

Рождение – это боль, перерождение – боль в квадрате. Как же иногда хотелось, чтобы рядом оказался спасательный решебник жизни. Шпаргалка...

Год вне дома сослужил для меня хорошую службу. Армия меняет людей, и это не просто очередная фраза прошедшего через казарму. Через боль не перешагнешь так же, как не перепрыгнешь через собственную тень. Дом теперь казался мне пристанью для души. Родители были по-прежнему далеки друг от друга... Нет-нет, жили они под одной крышей, но это не мешало им находиться на расстоянии. К счастью, мое возвращение заметно сократило эту дистанцию. Их объединила забота обо мне, который в глазах матери был героем. На самом же деле, после службы в горячих точках, дома я чувствовал себя ребенком. Наверное, действительно случилось перерождение не только мыслей, но и чувств. Когда я увидел Светку, то понял, что ни на шаг не отпущу ее от себя. Она станет моей тенью. Да, наверное, армия все-таки научила меня и хорошим вещам. Например, беречь близких, быть ответственным за свои поступки, жить самостоятельно, не в смысле превратиться в одинокого волка, а иметь свои взгляды на жизнь. Но за все

приобретения я заплатил. Потерями. Ребята, с которыми мы служили, после армии разделились на два лагеря. Кто-то подсел на спиртные напитки и заливал ими внутренние раны так же, как водкой обрабатывали внешние. Кто-то вкладывал деньги, приобретенные за время службы, в бизнес-предприятия. А кто-то захотел все свои силы, мысли и деньги вложить в банк семьи. Как я. И ты... заметно набравшая объем тень, которая шагала по земле уверенно, с поднятой головой. Армия изменила меня, я набрал 10 кг в мышечной массе. Ты вместе со мной отжималась от пола, карабкалась на горы, спускалась в овраги. Мы все делали вместе, и я благодарю Бога, что не потерял тебя, а значит, и сам остался жить и двигаться с тобой в одном ритме. Но теперь я хочу, чтобы ты перестала гоняться за мной в гордом одиночестве и сгибаться по ночам, нашептывая мне свои мысли. Тень... Как часто мы тебя не замечаем! Как безжалостно наступаем на тебя, слепо гонясь за другими тенями – за бумажками с цифрами, за никому не видимой славой, за отвергнутыми сердцами. А ты без упреков всегда следуешь за нами. Иногда мне казалось, что у тебя есть своя жизнь. Когда поздно ночью в казарме кто-то закричал во сне от увиденного кошмара и эхо его невнятных слов разнеслось по всему помещению, я встал с кровати, побрел налить себе в кружку черный

чай и увидел, как свет луны, забравшейся в наше окно, осветил твой печальный силуэт. Тень и эхо... Кто вы друг для друга? Влюбленные? Брат и сестра? Муж и жена? Или же вы передаете кому-то там, наверху, истории наших жизней? Мне стало страшно от этой мысли, холодно. Вдруг ты действительно следишь за мной? Но разве мне есть что скрывать? Есть. Я все время боюсь ошибиться. Опасаюсь не то сказать, не то сделать, не туда повернуть. Во мне постоянно ведут борьбу тени бога и дьявола. Особо остро я ощущаю это вечером, когда прокручиваю в голове ушедший день. Тень бога внутри моего мира начинает читать молитву и надеяться на будущее. Тень дьявола протестует и молчаливым криком пытается ее заглушить. Черные мысли о смерти и нищете человека безжалостно «втыкают нож» в хрупкие и беззащитные ожидания чего-то лучшего. Страшно. Я как будто становлюсь свидетелем столкновения двух неведомых сил. Черно-белые тени на стене кажутся мне бесконечными трассами, не нашедшими путников, способных подчинить их себе. Чем ближе мысли к закату, тем длиннее становится тень воспоминаний. Кадры из жизни в армии постоянно всплывают в моем сознании. Но сегодня я готовлюсь к завтрашнему дню. А завтра я предложу Светке стать моей женой. Рассвет на цыпочках прокрался в нашу комнату и тут же пре-

вратился в тень ожидания. Светка, уткнувшись в стену, спала. Я смотрел на нее и думал о том, что эта девушка с пяти лет получила прописку в моем сердце. Я любил все ее нюансы, по которым скучал в армии, — то, как она шаркает по утрам своими тапочками в виде плюшевых зайцев, то, как утренний кофе сначала утоляет жажду чистой плиты и только потом попадает в мою чашку, да и то не всегда. А как уж Светка по воскресеньям принимает меня за модельера и начинает демонстрировать свои наряды... До армии мне хотелось сбежать от этого кошмара. Но на службе я понял, что нет ничего лучше этих воскресений, когда твоя любимая женщина с искрящимися глазами вдохновляет тебя своей красотой. Когда она становится твоей тенью, которая следует за тобой в горе и радости. Сказав друг другу заветное «да», мы обвенчались. Конечно, Светка — дура. Устроила пир на весь мир. Столько денег потратили на свадьбу, что даже финансист сбился бы со счета. Но зато пригласили всех «новых» родственников, которые не ели и не пили с самого рождения, судя по тому, что набросились на еду, как на манную крупу, свалившуюся голодным путникам в пустыне с неба. Но все это мелочи. В самый счастливый день нашей жизни ты была рядом... Воробьевы горы. Солнце то пряталось за облаками, то скользило бликами по задумчивой реке. Весна начинала пи-

сать свой кодекс правил. Я нес Светку на руках. Какая же она легкая, воздушная! Ее фата развевалась, то и дело закрывая мне лицо. Но даже сквозь нее я видел, как на асфальте праздновали начало совместной жизни две тени, сплетаясь друг с другом в одну фигуру. Как же я рад! И как мне хочется, чтобы и они, и мы никогда не расставались! В стороне стояли мои мама с папой, и я вдруг заметил одну странность – их тени находились вдали друг от друга. Где-то я читал, что с химической точки зрения после 25 месяцев отношений любовь становится привычкой. Нелепой привычкой жить вместе. Причем у отца с матерью никогда не было диких сцен ревности, сопровождаемых криками: «Я отдала тебе свою молодость» или. «Уходи и дверь закрой, у меня теперь другой». Нет. Просто в какой-то момент я увидел, что тени родителей ходят раздельно. Каждая сама по себе. Видимо, они настолько узнали друг друга, что потеряли интерес к телу и душе другого человека. Они перестали удивляться и совершать друг для друга непредсказуемые поступки. А от Светки я не знаю, чего ожидать. Она то на курсы массажа пойдет и в тот же вечер такой сеанс мне проведет, что сама любовь захлебнется от страсти. То собаку в дом приведет, то путевку на выходные по дешевке достанет, то интерьер в квартире поменяет, а то и вовсе сделает из дома выставочный

зал наших семейных фотографий. Светке не скучно жить и творить нашу любовь. И мы оба чувствуем, что готовы представить всему свету главное свое произведение. Я очень хочу, чтобы Светка стала матерью. Я очень жду ребенка, наследника. Назову его в честь отца, пускай батя знает, как сильно я его люблю. Он никогда не переходил дорогу моим мыслям, всегда поддерживал меня. Даже когда я вернулся из армии и пуще прежнего стал писать по ночам о тебе, моей тени, наделяя тебя дыханием, чувствами и переживаниями, он не смеялся надо мной и не принимал меня за сумасшедшего или взрослого ребенка, затерявшегося в детстве. Нет. Отец часто говорил, что тени помогают мне видеть свет творчества. И он был прав. Благодаря своей фантазии и страстному желанию во что бы то ни стало доказать людям, что жизнь — это не только человек с его бесконечными потребностями и запросами, а что жизнь — это окружающий мир, в котором даже тень родилась для того, чтобы ходить по земле, я стал почетным членом Союза писателей. Мои книги читают в метро, поезде, самолете, на лавочке, в кресле-качалке или на пляже... Мои мысли стали тенью для многих людей. Критики прозвали меня писателем-фантастом. Но разве может фантазия иметь столь реальные черты?

Тень девятая

Вот и нет отца... В комнате тихо, шторы плотно задвинуты, но тень все равно решила не покидать меня в день траура и сидела сейчас рядом, скорбя и внимая моему горю. Когда месяц назад мы хоронили Светкину тетю, которая заменила ей мать, то я не особо впал в депрессию. Да, плакал. Да, было грустно. Да, точно так же, как и все, ходил с опущенной головой и носовым платком в правой руке. Но все-таки я прощался не с родным человеком. А тут как ножом по сердцу резанули. Отобрали, забрали, украли. За что? Почему? Да, мне уже не 10 лет, чтобы задавать подобные вопросы. Но я, словно пацан, чувствую себя совершенно беспомощным. Как же мне хотелось в школьные годы стать взрослым и выбирать знания, а не глотать лекции учителей. И что? Взрослым я стал, а знаний так и не нашел. Стою сейчас возле гроба и не понимаю, что такое смерть... Воздух на кладбище прохладный и успокаивающий. Лишь тени сгустились над разрытой ямой, могилой, безмолвно принимающей тело, да черные вороны закружили над голубым небом, создавая траурную атмосферу.

Сорок дней, пролетевших после смерти отца, так и не смогли заглушить боль потери. Время, конеч-

но, лечит, но как и всякий процесс, оно имеет свой срок... Мать поседела и, кроме просмотра семейного альбома, сна и каких-то бытовых обязанностей, ничем не занималась. А ведь она его любила... Сначала страстно, затем спокойно. Мне же казалось, что они находятся на расстоянии друг от друга. На самом деле у нас со Светкой давно прошел испытательный срок в размере 25 месяцев... И теперь, прожив этот временной отрезок, я могу сказать, что любовь не может превратиться в привычку, потому что тень никогда не изменяет телу, которое она выбрала охранять. Вот и любовь, даже мимолетная, навсегда останется с человеком, как счастливая тень воспоминания. Но и любовь боится остаться в одиночестве, поэтому договаривается с высшими силами о новой жизни, рожденной под ее чутким присмотром. И сейчас я хочу сказать ей огромное спасибо за сына. Ему уже семь лет... Семь лет! Трудно вспомнить себя в этом возрасте, когда все так интересно и необычно. Я часто думаю о том, почему радость превращается в тень? Почему в детстве трава кажется зеленее, солнце ярче, а двор превращается в остров сокровищ, по которому путешествуют группы ребят. Я стал вспоминать себя в этом возрасте... Как я бегал вместе со своей тенью, лазил по деревьям, строил песочные замки, пускал по воде блинчики. Я вырослел, и постепенно ме-

ня окружали некие приставы, следящие за моей жизнью. Учителя стали обрушивать на меня поток бесконечных фраз, начинающихся со слов «надо» и «нельзя»: нельзя громко кричать, нельзя мальчикам плакать, нельзя купаться голышом – ведь ты уже большой, надо уважать старших. Когда я не слушал все эти доводы, взрослые приступали ко второму пункту воспитания – манипуляции, от прямого обмана до угроз, запугиваний и телесных наказаний. Сейчас, воспитывая сына, я искал иные пути его развития. Я понял, что криком и угрозами ничего добиться нельзя. Ведь, стремясь избежать гнева взрослых людей, малыш начинает контролировать бурную энергию, ограничивая свою физическую и эмоциональную активность. Мы можем многого не помнить из того, что происходило в детстве, так как сознательная память не особо развита, но тело помнит все. И оно постепенно превращается в мышечный панцирь, «бронь» которого, блокируя естественный поток энергии в теле, вызывает застойные процессы, приводящие к стрессам и болезням. Но самое главное, что у человека постепенно атрофируются чувства к миру. Пустоту жизни он начинает заполнять трудоголизмом, алкоголизмом, переданием и просмотром глупых сериалов. Я очень старался быть хорошим отцом, хотел научить сына видеть и чувствовать мир. Но, когда ему исполнилось 10

лет, в моей жизни появился выгодный проект: издательский дом предложил мне создать серию романов про тени. И я согласился, так как мечтал об этом всю свою жизнь. Из-за того, что я с головой ушел в творчество, сын все больше времени стал проводить «под крылом» Светки. Иногда я брал его с собой на кладбище, и мы, держась за руки, под крики голодных черных птиц, брели к могиле отца. Протирали памятник, поливали цветы у оградки и думали о жизни. Вернее, думал я и рассказывал ему о том, каким был его дед... Как он никогда не навязывал никому свое мнение, а рассматривал жизнь с разных сторон. Да, он не сидел в бочке и не выглядывал из нее через узкое отверстие, видя только маленькую щелку света. Он плыл в лодке и оглядывал окрестности... Сыну нравилась моя сказка. А мне нет. И, смахнув со щеки очередную слезу, я увидел, как тень от обелиска как будто превратилась в часы с двумя стрелками, показывающими два часа дня. Время... Оно уже не летит и не растворяется, не лечит и не калечит, а четко выстукивает ритм безвозвратно ушедших мгновений. Перед сном я думаю о тебе. Тень... Наверное, ты сидишь у моего изголовья и уже приготовилась разгадывать мои сны, поглаживать волосы и укрывать меня от холодных мыслей.

Тень десятая

Смотрю на сына и думаю, что жизнь – это действительно театр. Сначала взрослые относятся к нам как к детям, без агрессии рассказывают, что да как, передают знания, затем мы готовимся к главной роли, в школе разучиваем ее тексты, потом выполняем импровизации и... Находим себе достойного партнера, дело жизни, приводим на сцену свое маленькое творение и... передаем ему листки с исписанным сценарием. Мол, пусть почитает, может, и сделает какие выводы. Но что их читать? Гораздо интереснее взять чистый лист бумаги и нанести на него свое произведение. Со своими неправильно расставленными запятыми, грамматическими ошибками и стилистическими неточностями. Со своими красными полями, новыми абзацами и многоточиями... В твоём произведении, сын, слишком много событий взято в скобки. В армию идти ты не хочешь... Косишь от нее, как говорят в народе. И мои глаза смотрят на тебя теперь совсем иначе. Без понимания. Но ты меня не слышишь... Даже через наушники барабанная дробь разносится по всей квартире. Я всегда прислушивался к советам отца, а теперь у меня никак не получается войти в столь сложную роль и занять его место. На мои попытки за-

говорить о жизни сын только отмахивается и отвечает, что опаздывает на свидание с какой-то Юлькой. А вчера случился ужас – он привел домой эту совершенно странную особу, которую девушкой я бы никогда не назвал. Это только в рекламе сока все разрешается мирным путем. Эту же сцену мне пришлось запивать куда более крепким напитком. Ярко-рыжая бестия, закинув ногу на ногу, оглядела нас со Светкой так, как будто мы не люди, а мебель – диван и шкаф в современном бутике. И она решала – в какое место нас поставить – на кухню или в комнату, а быть может, и вовсе забросить на антресоли. Мне стало тошно даже от ее тени, которая растеклась по всему полу. А сын смотрел на эту девушку, как на шедевр Пикассо. Боже мой, Светка, ну что ты городишь? Ну почему же ты говоришь этой... оторве, что очень рада с ней познакомиться? Дура! Потакаешь взрослому парню во всем! То и дело слышу невнятные речи – «вспомни нас, вспомни нас...» А что вспоминать-то? Тогда мы жили по-другому. Я точно знал, чего хочу добиться, я отслужил, набрался опыта, мои рассказы завоевали популярность. Единственное, что я упустил из виду, так это собственного сына, которого доверил тебе. Безусловно, я старался развивать его талант – играть на саксофоне, вкладывал свои деньги в обучение, концертные костюмы, на день рождения

подарил музыкальный инструмент навороченной модели. И что теперь? Саксофон валяется в углу комнаты, заживо захороненный в черный чехол, а сын вместо музыки слушает не иначе, как кашель дьявола. Да и планы на жизнь у него сводятся к одному простому лозунгу: «Живи без правил». И следует он своему девизу, как вагон за паровозом. Пропадает каждый день на дискотеках, в ночных клубах, подворотнях. Приходит под утро, даже не пряча пьяных глаз. Ему не стыдно за свое поведение. Но парню уже 17, и нет смысла искать виноватых, пытаться начать все с нуля. Как вырос, так и вырос. А быть может, это всего-навсего переходный период? Может, все еще образуется? Господи, помоги, чтобы родной сын не стал сорняком! Пускай живет собственной жизнью, думает своей головой, пускай хлебнет горяшка и узнает все о черно-белых полосах. А Светка... ну что Светка? Она – женщина, мать со слепой любовью. Да и отчитывать ее жалко. Сдала она за последнее время. Выглядит плохо, глаза с каждым днем все печальнее и печальнее. Ее тень тоже не справляется с возрастом, уменьшается на глазах. Да уж, красивые женщины умирают дважды. Да и я постарел, из зеркала на меня смотрит незнакомый мне человек лет пятидесяти пяти. Его живот, завоевав приставку «пивной», сразу же привлекает к себе внимание. Мне хочется гово-

ритель об отражении так, словно я не знаю этого человека... А ведь я прекрасно понимаю, что веду разговор не с зеркальным персонажем, а сам с собой! И от этого убегает, забивается в угол моя собственная тень. Я чувствую, как страшно ей умирать, прощаться со светом, со Светкой... Но нет, еще рано думать о смерти. Сначала нужно встретить старость и понять, что это такое. К чему ведет жизнь?

Только прежде надо оставить завещание. Так, на всякий случай. Дом перепису на сына. Пускай будет! Сын должен знать, что у него есть своя территория. Я уже не прошу у него преклонить колени перед родителями. Да и вправе ли я это делать? Наверное, нет... Все дети вылетают из гнезд. У всех есть два крыла и тень, которая следует по пятам.

Тень одиннадцатая

Двенадцать часов дня – объявил диктор по радио. В дверь позвонили... Светка засуетилась, попросила меня открыть дверь, а сама, опираясь на костыль, поспешно покинула кухню. Видимо, пошла переодеваться. Что уж и говорить, она и в пожилом возрасте не теряла желания быть ухоженной и красивой. Она всячески старалась договориться со старостью, которая питается только годами. Обе женщины, и они нашли общий язык. Договорились. Светка предоставляла старости свои воспоминания, которые записывала в дневник, а та, будто изучая характер молодости и зрелости, их слабые стороны, позволяла ей общаться с радостью. На самом деле, их сделка была подарком судьбы. Несмотря на размен восьмого десятка, Светка довольно часто пребывала в хорошем настроении. Она смотрела фильмы, приглашала в гости подруг, готовила вкуснейшие ужины и читала современные романы. А я смотрел на нее со стороны и понимал, что эта женщина – моя вторая половинка. И что без нее в моей жизни не было бы самого главного чувства, ради которого каждый из нас ступает на эту землю. Она осветила мою жизнь, создав в ней тень смысла, который я так долго искал. Я открыл дверь и

едва успел отойти в сторону от надвигающейся «бури» – двое маленьких сорванцов вбежали в квартиру с воздушными шарами в руках так, будто за ними кто-то гнался! «Дедушка, бабушка! Мы вам подарки привезли!» – заголосили они, перебивая друг друга. Спустя пару секунд на пороге появились сын с молодой супругой. В руках – празднично упакованный торт. «Ну же, проходите, гости дорогие...» – улыбнулась Светка. Повод для радости был – две семьи собирались за одним столом нечасто. Сын, после бунтарского периода, все-таки смог вырлиться на правильный путь. Окончив университет и получив диплом дизайнера, он уехал на стажировку в Лондон. Две недели, которые он провел в туманном городе, получили продолжение. И вот уже как 12 лет мой родной сын возглавляет в самом центре роскошного Лондона собственное агентство «Туманный Альбион». Конечно, нелегко было нам со Светкой отпустить его за тридевять земель. Долгое время мы привыкали к общению по эс-эмэскам, электронным почтам, скайпам и банальным телефонным звонкам. Но оба прекрасно понимали, что каждая жизнь выбирает себе город, страну, партнеров, да и просто окружающую реальность. И что мы по праву можем гордиться сыном и нисколько не винить себя за то, что так боялись провалить роли отца и матери. Когда на ночь я зачитывал ему свои расска-

зы про тени, то видел, как он о чем-то размышляет... И эти думы не прошли даром. Пару лет назад, представив на мировом конкурсе свою авторскую коллекцию одежды под названием «Свет и Тень», он завоевал золотую медаль, а вместе с ней и тысячи заказов по всему миру. На самом деле, еще в тот вечер, когда я был дико расстроен из-за его поведения, на глаза мне случайно попался скомканный лист в клеточку, на котором почерком сына были написаны следующие строки: «Пусть ангел, взгляд не отводя, присмотрит за тобою, пускай всю жизнь хранит тебя, прикрыв от бед собою...» И тогда я понял, что ошибался насчет того, что мой мальчик растет без души. Просто она была в тени от взгляда взрослых. И сейчас, когда все мы сидели за накрытым праздничным столом, я почувствовал красоту старости. Ее величие и силу. Не то чтобы мне захотелось тут же взяться за карандаш и на белом листе бумаги по пунктам записать все важные события своей жизни. Нет. Меньше всего мне хотелось подводить итоги. «Папа, а что такое время?» — звонко спросил у моего сына голубоглазый блондин. «Сынок, это то, из чего состоит жизнь. Видишь на стене часы? Они показывают половину первого. Значит, пришло время обеда». Кивнув головкой, малыш стал играть с... кошкой, которую Светка две недели назад привела домой? Или с машинкой, которую мы пода-

рили ему на первый, пятилетний юбилей? Но нет! Вокруг не было ни машинки, ни кошки, которая запряталась под стол. Он играл с собственной тенью, то убегающей от него на стенку, то вновь спускающейся на пол. Мы с сыном улыбнулись увиденному и посмотрели друг другу в глаза.

Тень двенадцатая

Мне семьдесят пять, Светке исполнится столько же через неделю. Взявшись за руки, мы, шаркая ногами, бредем по осенней аллее парка, в котором когда-то, давным-давно, прятались под деревьями от одноклассников и родителей и целовались под прикрытием роскошной зелени. Под ногами шуршат желтые сухие листья, похрустывающие, как больные суставы. Тени, не желая расставаться, задумчиво идут впереди. В парке ни души. Да и знамо дело – сегодня вторник, 13 часов дня... мамы с детьми отправились по домам – на обед и сон, молодые люди еще сидят за партами, а зрелые – подписывают в офисах выгодные контракты. Все идет своим чередом. У каждого из нас собственный сценарий. Несмотря на то что мое зрение день ото дня теряет свою силу, я еще все-таки мог разглядеть красоту природы. Наблюдая за суесящимися муравьями, я подумал, что они, как и люди, считают себя целью мира... Центром Вселенной.

Мы со Светкой останавливаемся возле мощного дуба. Того самого, у которого встречались после школы. Тени, видимо, тоже вспомнили о чем-то своем. Тишину прорвал крик черного ворона. Совершив па-

ру кругов, он приземлился на асфальт, неподалеку от нас. Нет, только не это... Он уверенно и нагло стал ходить по Светкиной тени, как будто отсоединял ее от Светы. Я топнул ногой, пытаюсь спугнуть черную птицу, но ворон лишь переместился с головы тени в область сердца...

Тень тринадцатая

Она назначила свидание Светке дома, вечером, после просмотра фильма «Любовь побеждает все». В это время я читал книгу и снова отвлекся, рассматривая тень своей любви. Светка неподвижно сидела в кресле-качалке часа два. Ее тень лежала на полу как-то неестественно. Голова упала на грудь. Может, Светка задремала? Я встал из-за стола, отложил книгу и подошел к ней. Аккуратно, боясь разбудить, дотронулся до левой руки, свисающей с кресла... Если бы можно было ее разбудить! Наверное, я бы отдал свою жизнь за то, чтобы снова увидеть ее глаза. Моргающие, а не устремленные на пол. Я взял Светку на руки и, как в молодости, отнес в спальню. Она лежала неподвижно. Ее черты лица не были обезображены временем. Лишь слегка запылились минутами горя, которые оставили свои следы в виде морщин. На лице Светки был намек на улыбку... Господи, я держал ее руку и чувствовал, как бьется сердце... Не мое... Чье-то... Тень? Ты еще жива? В это мгновение ко мне подошла кошка и стала жалобно тереться о мои ноги, будто бы на своем языке говоря «прими соболезнования». Я не мог принять только одного... почему смерть так поторопилась со своим визитом? Ведь че-

рез два дня Светке исполнится семьдесят пять. Как она готовилась к этому дню... съездила с подругой на рынок и купила новое платье... А теперь, в день своего рождения, лежит в гробу. Народу на кладбище немного. Сын не смог прилететь на похороны. В Лондоне в этот день проводился важный конгресс, который он возглавлял... Что ж, у каждого свой сценарий. После похорон я брел со своей тенью меж могил и не понимал, как нам жить дальше... Да и стоит ли вообще? Кладбище скрывает, пожалуй, главный клад Вселенной – Жизнь и ее Тени...

Тень четырнадцатая

Последний год я общаюсь только с собственной тенью. Мы вместе с ней поливаем цветы на огороде, читаем книги по вечерам, ходим на кладбище к Светке, матери, отцу, к Пашке... Список можно продолжать довольно долго. А Светка все же дура... Так влюбила меня в себя, что до сих пор не могу оправиться от мысли, что ее нет больше рядом со мной. Бросила меня. Ушла в другой мир, не попрощавшись. Да и тень одиноко бродит по земле. Скучает по подруге. Тоскует. Плачет. Устал я. Устал жить, ходить, думать, ждать... Устал. Хочется лечь на землю и уснуть крепким сном. Вечным. Но нет, так просто никого еще не отпускали из этого непонятного мира. Моя тень тоже теряет силы. Бывает, сижу дома, рассказываю ей о своей жизни и вдруг смотрю на стену и понимаю, что она испарилась. Ее нет. А может быть, никогда и не было? Хотя сейчас она шагает рядом со мной, опустив голову.

Тень пятнадцатая

Шесть мужчин, отбрасывая свои тени на землю, идут тихим мирным шагом, неся большой гроб. Точно так же и я когда-то вез на тележке тело своего лучшего друга, точно так же я нес гроб отца, матери, Светки... А теперь и сам отбрасываю последнюю тень. Ухожу из этой жизни, оставляя память в сердцах близких людей. Сын, его семья, во всем черном, склонились надо мной... Священник отпевает тело. Белые снежинки невинно падают на холодную землю, засыпая мою тень. Засыпаю... Вечным сном. При свидетеле – моей покорной и безмолвной тени, которая никогда не оставляла меня в самом страшном для любого человека состоянии, называемом Одиночество.

Быть может, это всего лишь антракт? Да нет, не похоже. Финальная глава уже дописана. На прощание, на последней странице, перед самой смертью, я написал заключительную строку... «Смерть – это всего лишь тень жизни...»

Часть 2. Светлана

Пролог

...Пламя жадно охватило белый лист бумаги, оставив по себе лишь немного серого пепла. А порыв холодного осеннего ветра довершил дело, развеяв и пепел. Я долго смотрела на пепел своих желаний, список которых с каждым годом становился все реалистичнее и короче. Густой туман спрятал утро, предвещая что-то неизвестное и дурманящее. Поржавевшие листья смиренно подчинялись времени и прощально вальсировали по ветру, птицы улетали в теплые края, а я все стояла у распахнутого окна и перебирала воспоминания, как никогда ясно понимая, что не за горами и мой перелет... В страну, в которой никто не боится перепада температур и холода несбывшихся надежд. Бояться можно, только обладая чем-либо, если у тебя нет ничего, страх проходит, становится пугливой тенью и исчезает. Что же, быть может, я окажусь хорошим туристом, раз уж не смогла стать достойным жителем в родном златоглавом городе.

Когда учительница географии монотонно рассказывала нам, одиннадцатилетним детям, воспринимаю-

щим приключения как естественное состояние жизни, о странах мира и все грезили о путешествии в Париж, Вену, Амстердам, Вьетнам, Индию... я стремилась в Арктику, на Северный Ледовитый океан. Я закрывала глаза и видела себя стоящей посередине огромной льдины. Мне казалось, что счастье находится там, «где-то на белом свете, там, где всегда мороз». Как продукты сохраняются дольше в холодильнике, так и счастье требует заморозки, думала я в ту пору. От наивных мыслей не осталось и следа, правда, на склонах не лет пришло понимание, что истина была где-то рядом. Только оказавшись на вершине холодного айсберга жизни, можно увидеть всех и вся, найти оправдание Снежной королеве и осудить «бесхребетного» Кая. Как часто за злобой и холодностью скрывается одна-единственная причина – разочарование в любви. Тот, кто находит истину в чувстве и хранит его бережно, как реликвию, любой опасный поворот событий перенесет без травм, потому что невидимый ремень безопасности (вера) всегда его выручит. Да, иногда такие люди слышат тишину, тиканье часов и поскрипывание старинной мебели, но все это происходит под бой сердца. Тот, кто проклиная любовь, никогда не услышит тишину, потому что вся жизнь оказывается в ловушке пустоты. Я – женщина. И этим все сказано. За мной всегда следовала тень, о которой я

ничего толком не знала, но лишь догадывалась, что такой должна быть настоящая женщина – верная своему мужчине, обнажающая свою душу под светом, падающим на нее свысока, умеющая выслушивать, кивать головой в знак согласия и тихо говорить «нет» окружающим соблазнам.

Пламя свечи затрепетало, может быть, вспоминая недавнюю жертву. На сожженном листке значилось одно единственное оставшееся у меня желание: «Встретиться с тобой на небесах».

Через два дня мне исполнится семьдесят пять лет. В семь лет я впервые в жизни совершила магический обряд. По телевизору какой-то очень важный дядя рассказал о том, как сбываются мечты. Нужно записать список своих желаний на листке бумаги. Затем прочитать три раза, сжечь и развеять пепел по ветру. Поверила. Я каждый год нещадно сжигала свои мечты, надеясь на чудо. Память предательски стерла воспоминания о чертах твоего лица, голосе и прощальном слове. Моя любовь превратилась в тень, а мысли уже давно похожи на эхо из другого мира. Я часто разговариваю с тобой на рассвете, когда день – очередная серийная короткометражка – еще находится в монтажном отделении Судьбы, режиссера всех времен и народов. Ранним утром, распахивая окно, я смотрю в небо, откидывающее черное махровое оде-

яло, и наблюдаю за тем, как дыхание превращается в пар. Мне кажется, что только в это время я могу быть наедине со своей душой и белыми листами бумаги, которые заполняются историей моей жизни...

P.S. В этот день она умерла, дождавшись заката и теплого, испеченного собственными руками яблочного пирога со вкусом корицы.

Тень первая

Дикий, необузданный страх сковал ее мысли. Она растерянно смотрела на отражение в зеркале, как будто ожидала от него ответа на вопрос: «За что?» В ее жизни было много мужчин, совершенно разных и по социальному положению, и по манере ухаживания, и по умению грамотно разойтись в стороны. Ни с одним из них она не испытывала каких-то глубоких, будоражащих чувств. То ли потому, что не могла залечить рану от первой любви, то ли просто не верила в любовь между мужчиной и женщиной. И вдруг... такой поворот событий – «два красные полосы». Догадаться о том, кто отец будущего ребенка, для нее было все равно что разгадать тайну мироздания. Мужчины сменялись в ее жизни, как подгузники у новорожденных. Первая мысль была однозначной: аборт. Она наскребла последние деньги, пересчитала их и пожалела тратить столь внушительную сумму на убийство неопознанного «объекта». Следом подумалось: «А что если выносить и продать ребенка какой-нибудь отчаявшейся бездетной семье?» Но без знания отца это было весьма большой проблемой. Третья мысль – пустить все на самотек, следуя поговорке «чему быть, того не миновать»... Ничто не изменилось в ее обра-

зе жизни с осознанием того, что маленький человечек уже дышит в ней и готовится к выходу на свет. Она так же получала копейки на складе, где работала посудомойщицей, так же тратила их по вечерам в барах, поднимая с забулдыгами тосты за хорошую жизнь и запиная водкой собственное горе, так же ненавидела себя и все вокруг за то, что у нее никогда не было условий для создания семьи. И вдруг на тебе – ребенок! «Наказание какое-то», – думала она о «подарке Судьбы». А когда на УЗИ врач сказал, что у нее девочка, то и вовсе стала лить крокодильи слезы и стягивать живот белыми простынями.

«Ах ты, негодница, родишься и сядешь мне на шею! С мальчиком намного меньше проблем, чем с тобой! Устроился бы грузчиком да приносил бы деньги в семью, а ты кем станешь, заноза такая? Одна дорога – ночная трасса. Белая горячка часто накрывала ее в душной ночной тишине, превращая пьяные мысли в двухголосие. Не родившийся ребенок уже начинал прощупывать суровый климат здешнего мира. Его ругали и били просто за то, что маленькое сердце совершает 60 ударов в минуту. Когда несчастная мать сидела в очереди на осмотр к врачу и прислушивалась к пиликаниям молодых мамаш о том, что они вместе с малышом проводят вечера под музыкальное сопровождение произведений Моцарта, смотрят классиче-

ские добрые комедии и читают Андерсена, поглаживая живот, она сразу же бежала в туалет и там, со слезами и рвотой, проклинала свою жизнь.

За жестокостью всегда скрывается страх. Она боялась признаться себе, что возможно все исправить – житье есть, на работе, если захочет, может добиться повышения, что касается внешнего вида, то все данные для того, чтобы стать привлекательной женщиной, у нее имеются! Но не было самого главного – желания все изменить в лучшую сторону.

Ее судьба надломилась в тот день, когда она узнала о многочисленных изменах мужа. Правда не приходит одна: раскрыв одну истину, вторая тут же обнажает себя. Теперь уже бывший супруг вместе со своими вещами забрал все совместно нажитые финансы и скрылся в неизвестном направлении. Муж как будто являлся частью ее самой. Единственная, первая любовь, в которой она души не чаяла, за которую была готова сражаться «на смерть»! Но ее «смерть» ему не требовалась, как, впрочем, и ее жизнь. Молодая и хваткая возлюбленная – блондинка, словно светлое пятно его жизни, занимала все мысли, и на страдания прежней жены ему попросту оказалось наплевать.

Через месяц умерла ее мать, не вынеся переживаний за дочь, которая пристрастилась к алкоголю. Так успешная, молодая и прежде любимая девушка пре-

вратилась в жалкую пародию на женщину. Не смогла она выдержать испытание, которое, как говорят, каждому человеку дается по его силам. Родители тряслись над ней, как над шедевром Пикассо, и не приучили справляться с трудностями. Когда ребенок живет в тепличных условиях, он вряд ли сможет вырасти полноценной личностью. Он становится либо изнеженным, капризным и требующим от всех подчинения человеком, либо замкнутым и отстраненным от нормальных человеческих отношений и абсолютно ничего не ведающим о настоящих чувствах. Конечно, бывают и исключения, когда малыш окружен настоящей любовью, способной воспитать его и научить ценить само понятие Жизнь.

Женщина не понимала, что мужчина – это не воздух, которым нужно дышать, и не земля, по которой нужно ступать. Ей так хотелось найти вторую половинку и отомстить мужу, что на поиски партнера она отправлялась каждую ночь и в конце концов уже и забыла, что ищет. А когда истинное женское счастье – ребенок, – способное перевернуть ее жизнь с ног на голову, само пришло к ней, она полностью потеряла здравый смысл и превратилась в раскачивающуюся тень.

«Скорее, на помощь! Тут женщина без сознания!» – закричала беременная, зашедшая в туалет подпуд-

рить носик. Врачи успели вовремя. Воды уже отошли, женщина пришла в чувство и начала бредить, а потом провалилась в сон.

Семимесячная малышка появилась на свет при помощи кесарева сечения. Она была ростом с ладошку врача. Под полупрозрачной кожей, покрытой пушком, стучало сердечко. «Не выживет...» – тихо произнесла медсестра.

* * *

«Ничего не вижу кроме яркого света. Неужели мир – это один свет? Ну, так совсем не интересно! Хотя я чувствую, как ко мне кто-то бережно прикасается, заворачивает меня в белую простыню и качает на ручках. Правда, как я ни стараюсь, но пока не могу разглядеть лицо доброй тети, зато слышу ее голос – такой тихий и красивый. Так здорово! Необычно. Ведь до того, как я попала на свет, меня постоянно кто-то бил и кричал на меня так громко, что я больше не могла выносить такое обращение и вырвалась на свободу. А тетя с каждым днем все больше и больше уделяет мне внимания, наверное, я красивая, раз ей понравилась. От света мне тепло и хорошо.

Сегодня первый раз оглянулась по сторонам и увидела множество свертков, из которых доносился

плач. Интересно, а почему они плачут, ведь все так хорошо! Постепенно я начинаю видеть лица. Тетя берет меня на руки, поет что-то, и я засыпаю.

Вот уже несколько раз она повторяет одно и то же слово «Светлана». Что бы это значило? Не понимаю. Но зато... я, кажется, влюбилась. Когда проснулась и открыла глаза, то разглядела рядом еще кого-то. Тетя, склонившаяся над нами, сказала: «Это мальчик». А я увидела огромные глаза голубого цвета. Такие красивые, теплые и светланные, ой, светлые. Мальчик смотрел на меня так, как будто увидел что-то особенное...

Но тетя подхватила его и унесла куда-то, сопровождаемая длинной черной фигурой, скользившей за ними по полу. Я вырасту, стану большой и обязательно разберусь, что это. «Не уходите, пожалуйста! Ну куда же вы?...» – Тетя с мальчиком на руках направились к выходу. Надо заплакать! Неужели помогает? Они вернулись, еще раз на меня посмотрели и наговорили кучу приятных слов: «Малышка, баю-бай, красавица, засыпай...» Я сдалась, закрыла глаза и полетела в другую страну – Сономанию. О ней мне рассказала добрая тетя. Правда, она, по-моему, не воспринимает меня всерьез и читает в пустоту. Но все равно, она очень хорошая. Иной раз подойдет к моей кроватке, посмотрит на меня и повторяет за мной то,

что я делаю, когда хочу привлечь ее внимание – плачу. Вот и у нее катятся по щекам слезы. Смешная такая! Почему-то говорит, что я несчастная. С чего бы это вдруг? Я не частная, я – целая!»

Тень вторая

Раньше я спала столько, сколько хотела, а сегодня утром Таня разбудила меня и сказала, что с этого дня начинается новый период жизни – детский сад. Неужели она хочет отдать меня другой тете? Когда я начала капризничать, Таня стала меня успокаивать, пообещала, что вечером придет за мной, и мы будем гулять в парке. Интересно, а моя подружка, которую Таня называет тенью, тоже пойдет со мной в этот сад или останется дома? Ведь до этого мы с ней только гуляли, играли и спали, а теперь... захочет ли она пойти в детский садик? На улице светло, но прохладно. Навстречу нам идут люди с потертыми лицами, как будто им неинтересно жить в этом мире. Мне, конечно, тоже очень хочется обнять свою дочку, куклу Машу, лечь с ней в теплую кроватку и смотреть мультики, но я прекрасно понимаю, что надо становиться взрослой – сначала детский садик, затем школа, а потом я выйду замуж. Вот я вырасту, стану большой и влюблюсь в самого лучшего мужчину планеты! И он полюбит меня. Клянусь своей тенью!

Когда мы проходили мимо поликлиники, на белой стене я увидела тебя и очень обрадовалась! Ты самый настоящий, верный друг! Теперь мне нечего

бояться, что ждет впереди, потому что я не одна! «Здравствуй, детка, я твоя воспитательница – Елена Владимировна», – прошипела какая-то страшная блондинка, похожая на сестру самого Лешего. Все, закончилось мое детство. Нет, только не это! У противной тети тоже есть тень! Но она не такая красивая, как моя... очень большая, прям на весь асфальт, и что же она делает? Наступает на мою тень! Надо срочно отойти от этой Елены... Забыла отчество, но уж точно не Прекрасная. Не вышло. Она взяла меня за руку и куда-то повела, а Таня помахала мне и закрыла за собой калитку. «Ребята, познакомьтесь, это Светлана – новенькая».

На меня смотрели незнакомые мальчики и девочки так, словно увидели динозавра из мультика. После того как меня представили, незнакомая рыжая девчонка подошла ко мне и сказала: «Ты бесхозная, потому что у тебя нет мамы и папы!» Я не успела ответить, как тут же подскочил какой-то мальчик, оттолкнул ее, посмотрел на меня сверху вниз и заявил: «Раз ты ничейная, мы с тобой не будем игрушками делиться, потому что тебе нам нечего дать!» «У Витьки хоть мама есть, а у тебя какая-то тетя...» – продолжала портить мне настроение рыжая. «Не какая-то, а самая добрая и хорошая! И еще у меня есть друг...» Все засмеялись и обступили меня, продолжая издеваться: «Друг? Плю-

шевый мишка или мягкий заяц? Познакомь!» Я никогда тебя никому не выдам. Никогда!

Мне повезло: какой-то мальчик громко сказал: «Не троньте ее, а то сейчас как покажу вам свои приемычки, будете знать, как других обижать!» Видимо, его все боятся, потому что сразу же расступились и отстали от меня. А у моего защитника яркие голубые глаза, ярче неба. Его зовут Паша. Оказывается, он умеет драться, как герой мультфильма.

Нас ставят в строй и пересчитывают по головам. Пашка робко предлагает составить ему пару. Вот это счастье! На асфальте впереди нас вприпрыжку движутся тени, которые явно друг другу понравились, а мы идем, размахивая руками, разглядываем небо и солнце, траву и цветочки, да и просто дышим, и нам хорошо. Вдруг позади нас, кто-то запел: «Подавляя свою лень, обгонял слоненок тень!» Вот это да... Неужели кроме меня кто-то еще знает о твоём существовании? Я обернулась и увидела мальчика, который напомнил мне принца из сказки. Он был очень красивый. Как Иванушка, только не дурачок, а гораздо лучше. Я засмотрелась на него и забыла посмотреть под ноги... Упала вместе со своей тенью и расшибла оба колена. Ребята дружно посмеялись надо мной, Пашка помог встать и даже приложил к коленке подорожник, пока воспитательница бегала за врачом.

Не зная, куда деть глаза от стыда, я рассматривала траву, которая пробивалась через асфальт. Наверное, слабая трава растет на поляне, а сильной приходится проходить через тяжелые преграды, чтобы занять место под солнцем. Таня все время говорит, что человек должен сам стремиться к счастью, а не ждать от жизни сюрпризов.

И почему у меня нет ни мамы, ни папы? Каждый вечер я смотрю, как дети несутся к своим родителям и кричат на весь садик «Мама!» Слово это... какое-то особенное, словно название чего-то сладкого и сытного.

На следующее утро Таня тащила меня за руку, кричала, что она мне не мама, и что если я не перестану плакать из-за того, что не хочу идти в садик, то она оставит меня жить на улице, и мне придется просить милостыню и шастать вместе с бомжами по подворотням. Я не знаю, что происходит с моей тетей. Раньше она пела мне колыбельные и говорила, что я самый лучший сверток, который она держала на руках. А держала она их каждый день по многу раз, так как работала в доме, где появляются на свет новые люди. Наверное, я родилась случайно, раз не хватило на меня мамы с папой. Вот Таня и подобрала меня. Я чем-то похожа на черную ободранную кошечку, которая бродит вдоль забора детского садика и смотрит

зелеными глазами на меня, или на сосиски, которыми я ее кормлю.

Обед в садике невкусный, борщ подступает к самому горлу, поэтому то, что называют вторым, мне уже некуда девать. Пашка на следующий же день не явился в садик, потому что заболел. Ну и хорошо. Вернее, плохо, но зато я познакомилась с мальчиком Славой, который мне очень понравился. Его тень постоянно идет впереди моей, я даже не всегда могу их отличить друг от друга, как братья-близнецы! А однажды тени взялись за руки и помчались куда-то далеко-далеко... Я даже не заметила, как Славик тоже схватил меня за руку и побежал вместе со мной догонять тени.

Я точно знаю, что это была весна, в этот день я влюбилась в самого лучшего мальчика на всей планете – в Славу! Он угостил меня коржиком с орехами. Такой куснятины я никогда не ела!

На следующий день я притащила в кармане три шоколадные конфеты, которые Таня постоянно приносила домой целыми пачками, при Славе развернула их и съела. Пусть думает, будто я богатая. А вот и Пашка... какой-то грустный, смотрит на нас печальными голубыми глазами, наверное, он еще не выздоровел или еще слишком маленький, чтобы разбираться в чувствах. Из-за него постоянно влетает Славе в тихий час. Я сама видела, как Пашка подкладывает

Славику под одеяло то кактус с подоконника, то жвачку, то игрушку-пищалку, то скорлупу от каштанов. Глупенький. Да и тень у него маленькая и все время держится от наших теней в сторонке. Ну, а раз наши тайные друзья не хотят с ней дружить, то и мы не будем.

Тень третья

Если бы я только могла стать Алисой в стране чудес и отправиться за белым кроликом в какую-нибудь нору, чтобы повстречаться с волшебниками и злодеями. Или выпить из пузырька сказочную жидкость и превратиться в принцессу! Или... уплыть далеко-далеко с отважным капитаном и петь ему, что только смелым покоряются моря! Или... Нет! Все это, по словам Тани, глупые мечты. Она постоянно напоминает мне о том, что мне не на кого рассчитывать в этом мире и что я должна пахать день и ночь для того, чтобы нормально жить. Чем больше она это говорит, тем меньше мне хочется ходить в школу и решать задачи.

Но однажды, в один миг, моя жизнь изменилась.

Я перепутала кабинет и случайно попала в хореографический зал. Бывают в жизни стоп-кадры, которые навсегда сохраняются в подсознании. Увидев, как среди множества зеркал красивая девушка в белоснежном наряде парит в воздухе, я поняла, что не умру, пока не научусь летать так же, как она.

Мне повезло. Таня договорилась с учительницей танцев, чтобы я два раза в неделю посещала балетный класс. В 10 лет для меня это было сказкой; в 15, когда я держала в руках золотую медаль районного

конкурса, – целью жизни; в 20 балет стал моей религией. Я поклонялась танцу, потому что только в нем находила правду красоты и чувств.

В старости пришло понимание профессиональной страсти: на пуантах было легче жить и сохранять равновесие, вопреки здравой логике. Мне не нужно было смотреть под ноги, потому что они в совершенстве знали шаги, которые надо было совершить. Девушка-танцовщица являлась для меня воплощением счастья. А когда я первый раз попала в театр на балет «Ромео и Джульетта», голова закружилась от восторга.

Я проводила на занятиях по несколько часов в день, репетировала номера от Дюймовочки до Бабы-яги. После уроков бежала в библиотеку – изучать биографии знаменитых балерин и просто танцовщиц, оказавшихся в тени славы, рисовать в тетрадах эскизы костюмов и слушать на стареньком проигрывателе классические аудиозаписи.

Вообще, школа для меня простое серое здание, а классный руководитель похож на дятла, который долбит по голове. Хорошо, что самое страшное – первое сентября – уже позади. Ненавижу этот праздник. Под ногами все хлупает, потому что небо ревет, как и я, прощаясь с прекрасными каникулами. Все в этот день выглядят глупо! Девочки похожи на мутантов с этими

огромными белыми бантами и воздушными шариками в руках. Кстати, мой шарик постоянно вылетает из рук, словно хочет вырваться на волю.

Мальчики у нас дураки – дергают девочек за банты, вызывая слезы, как будто не понимают, что для нас бантики и красота важнее даже пятерок в четверти. Родители... ах, больная тема! Носятся с венниками или, приличнее сказать, венками и коробками конфет от одной учительницы к другой. После концерта все идут праздновать первый звонок – кто в парк, кто в кафе есть мороженое и пить сок, а кто просто бродит по улице, вызывая сочувствие бездомных собак и кошек, трущихся об ноги.

Вот уже седьмой год подряд как я втянута в эту школьную жизнь – «через года слышу мамин я голос, значит, мне домой возвращаться пора...» Ну почему даже гребаная линейка не может обойтись без этого слова «мама»? Я уже не маленькая девочка, которая не понимает правды. Таня год назад все мне рассказывала. Интересно, а где сейчас эта женщина, которая родила меня и скрылась, как будто совершила грех? Может, смотрит на меня с неба? Или воспитывает другого ребенка, более хорошего и нужного? За спиной ребят стоят родители – разукрашенные мамы и важные папы. За моей спиной стоишь только ты – верная подруга – тень. Странное создание. Боишься темно-

ты, поэтому мне приходится спать с включенной лампой. Убегаешь вместе со мной с урока алгебры, которую я ненавижу. Подсматриваешь за Пашкой, который учится в шестом «Б». Эх, Пашка, Пашка! Не замечаешь ты нас в упор. Ходишь с пацанами, говоришь о танках, дерешься за Нинку из пятого «Г». Чем же я хуже ее? Хоть Таня и одевает меня просто, но выгляжу я весьма хорошо, у меня длинные волосы, заплетенные в две косы, и красивое лицо. Слава вон отвести взгляд от меня не может – смотрит, как на Василису Прекрасную. Смешной такой! Как с детского садика пристал ко мне, так и в школе проходу не дает. Сидит за партой позади меня и дышит в спину. Стихи пишет, в анкетах в любви признается, заваливает валентинками, носит ранец, делится со мной то яблоками, то конфетами. Но его внимание мне не особо-то и нужно.

Моя тень уже давно отделилась от этого сказочника, да и я сама тоже. Во-первых, потому, что он изменился – на его лице много прыщей, спина какая-то горбатая, да и мозги у него слегка набекрень. Он все время что-то сочиняет, на литературе ведет себя как воскресший Пушкин – то стихи читает все сорок минут, то пересказывает рассказ иначе, чем было в тексте, а когда он молчит, учительница всем в пример зачитывает его сочинения.

На переменах он собирает вокруг себя девчонок

и мальчишек и начинает им пикировать басни о том, что ежи питаются кактусами, люди появились потому, что обезьяны перетрудились, а писатели-классики – это те, которых мы изучаем в классе. Лишь однажды ему влетело от истерички, вернее исторички, которая спросила у него: «Как зовут богатырей с картины Васнецова?» – и он браво ответил: «Атос, Портос и Арамис». Впрочем, глупости ходили за ним следом, как тени. Его фразы не оставляли равнодушными даже учителей, которые в столовой осуждали его сложносочиненные мысли, типа «Гагарин – проходимец в космосе», «Фамусов вышел в задний проход и уехал», «Ленский жил не до конца, он умер на дуэли»... Наверное, он станет писателем. Уж слишком длинный язык и необычные мысли, не такие, как у всех. Впрочем, в классе уже все выбрали себе профессии. Мальчики будут космонавтами, летчиками и бандитами, а девочки – актрисами, моделями и невестами. Смеются только над Витькой, с которым мы вместе ходили в садик – тем самым мальчиком, у которого не было папы. Он в первом классе на уроках физкультуры все время сидел возле большой лужи (потому что имел справку, освобождающую его от занятий физрой) и говорил, что станет моряком. Я же не хочу ни принцев на конях, ни мировых подиумов, только сцена, только белая пачка и только балет.

В классе со мной мало кто общается. Часть девочек обижена на то, что Слава посвящает мне свои любовные поэмы, другая часть смотрит на меня как на инопланетянку, потому что никогда не видела моих родителей. На родительских собраниях про меня ничего не говорят, потому что это попросту некому слушать. Таня пропадает на работе день и ночь, я вообще ее не вижу. В мой дневник она заглядывала в последний раз года два назад. За плитой откуда-то стали собираться бутылки. Однажды я решила сдать их и получить деньги на мороженое, но Таня высыпала мне по первое число и опять пригрозила выгнать к чертовой матери. Хоть бы раз исполнила свою угрозу! Так нет, все только обещает да обещает. За учебу ругать меня не приходится и за поведение тоже.

Все хорошо. Учю параграфы, решаю уравнения, химичу, не делаю ошибок в окончаниях трех времен — настоящего, прошедшего и будущего, не задыхаясь, как одноклассницы, бегаю на длинные дистанции и ни у кого не списываю. Просто живу, как живется. У меня есть только одна маленькая тайна. Татуировка в виде морской ракушки на правом плече. О ней знает только Андрюха — друг Славы, да и то только потому, что подсматривал как-то раз за девчонками в раздевалке. Ее мне нарисовала девочка-старшеклассница, которая была в лагере пионервожатой и мечтала

стать художницей. В лагере никто не знал о том, что у меня нет родителей, поэтому я нафантазировала об отце-олигархе и матери-кинозвезде, о доме в три этажа, горничных и игрушках размером с человека. Там я впервые затянулась сигаретой, да так, что почти задохнулась, впервые потеряла сознание от нажатия на сонную артерию, впервые поцеловалась в засос со старшеклассником, который на следующий же день забыл даже мое имя. Ничего не поняла. Все было похоже на какую-то муть.

Скоро мне исполнится 14 лет, а я так ничего и не узнала об отношениях между мужчиной и женщиной. У Тани спрашивать стыдно, у девчонок – бессмысленно. А еще меня волнует вопрос: почему днем я могу думать о многих вещах и улыбаться взрослым людям, а ночью, рассказывая тени о прошедшем дне, только об одном: о безответном чувстве к Пашке. Думать, плакать и биться головой об стенку. Интересно, ты тоже склоняешь голову вместе со мной, оплакивая горе. Кто ты, темный силуэт? Покорный и молчаливый. Умеешь ли чувствовать?..

Тень четвертая

Фонари разбрасывают тени деревьев и проводов на асфальте, укутанном белоснежной материей. Мне жалко ступать на искусно выплетенные небесами хрупкие снежинки. Все вокруг выглядит таким чистым и невинным, что уже один мой след кажется кощунственным. Каждый раз, когда под ногами раздается скрип, я ощущаю, как переламываются хребты тысячи маленьких телец. Наверное, узнав всю правду о своем преждевременном рождении, я особенно ценю жизнь незащитных существ. А может, это все влияние Славы... Уверена, что это единственный мужчина, встретившийся на моем пути, который умеет видеть не только крышу дома, но и целого мира – «крышка Вселенной» – так он называет небо. Вся жизнь играет вокруг него, потому что он умеет ее одушевить. Слава на многое открыл мне глаза. Научил в простоте видеть красоту, в напыщенности наблюдать пустоту, в глазах лицезреть душу. Откуда он набрался таких мудростей, я не знала, потому что боялась спросить и услышать: «Моя мама...» Ощущала ли я себя глупой? Вряд ли. В молодости никогда не задумываешься о весе своих мозгов. Очень хочется всем доказать, что лучше тебя еще не было. Что ты – феномен

этого мира. Когда книжные полки прогибаются под тяжестью автобиографий знаменитых личностей, художественно описывающих свои горестные жизненные скитания, чувство собственной значимости зашкаливает все допустимые пороги.

В полусонном состоянии я бреду к подруге, потому что Таня наконец-таки нашла свое счастье. Вот уже две недели она встречается с врачом-окулистом, который разглядел в ней хорошую и милую женщину. Только почему счастье редко дается людям и для его торжества кто-то должен покинуть дом?

Вчера сбылась моя мечта – я танцевала со Славой на выпускном и специально поцеловала его, когда Пашка посмотрел в нашу сторону. А Слава, похоже, серьезно мною увлекся. Недавно прочитала его рукопись и пришла к выводу, что была права насчет его будущей профессии. Он с трепетом относится к словам, и его рассказы никого не оставляют равнодушными. Читая, ты чувствуешь прохладу осени или зной лета, плаваешь в открытом море или летаешь над облаками, видишь прожженные листья в огромных лужах или вдыхаешь аромат клубничного варенья. Как после вкусного обеда, перевернув последнюю страничку рукописи, я почувствовала себя сытой. Я уже не говорю о словах, которые он заплетает в рифмы. Наверное, для любой девушки – это самый желанный

десерт. Мне нравится проводить со Славиком время и видеть рядом с собой человека, не умеющего скучать. Он словно витаминный комплекс для хорошего настроения и крепкого иммунитета. А Пашка... он теперь приходит ко мне только во снах, пропитанных чувствами, или же в бессонницу, когда из темноты на меня набрасывается дикий зверь, царапающий душу. Почему-то ночью я особо остро ощущаю пронзающий холод жизни, мысли о судьбе и счастье обрываются дурными предчувствиями, предрекающими какую-то трагедию. Ночью мне по-лютому страшно.

После девятого класса Пашка устроился на работу и начал встречаться с бывшей одноклассницей – Надей. Похоже, мне больше не на что надеется. Когда я была маленькая, то сдуру в саду у тетиной знакомой кинулась обрывать крапиву, приняв ее за простую траву. Жжение было невыносимым. Я испытала то же, что и ощутила сейчас, только теперь уже не снаружи, а внутри себя.

А судьба, как истинная подруга, тут же решила все за меня. Всхлипы, слезы и отчаяние прервал телефонный звонок – Слава пригласил к себе домой, на кофе. Я подумала и согласилась...

Господи, сколько теней меня окружало в этот день, особенно когда я оглядывалась! Сомнения, надежды, страх вечного одиночества. Демоны словно устроили

соревнование внутри меня – кто быстрее овладеет ее душой. А душа, это что? Любовь... Но существует ли она? Как-то я задала себе вопрос: «Умеет ли тень чувствовать?» И сегодня нашла на него ответ: «Виват тебе, Фрейд!» – со своим предположением о двухгодичном сроке этого странного чувства.

Мое тело как будто бы спрятано между рядами бесконечных теней. Оно жаждает быть обласканным и обцелованным, словно ищет какое-то особое прикосновение... А что касается любви, то мне кажется, она живет только в танце. Как же мне нравится выходить на сцену!

Помню, как в первый раз волнение едва не испортило все мое выступление. Перед школьным концертом я заглянула в щелку занавеса и обомлела от ужаса – одноклассники и родители, а также ученики из параллельных классов будут смотреть на меня! Слава с букетом ромашек сидел в первом ряду. Вдруг все движения почему-то забылись. Я стояла и едва могла распрямить коленки от дрожи, не говоря уже о том, чтобы хоть как-то восстановить в памяти танец, а когда объявили мое имя, то думала, что и во все упаду в обморок и это будет мой дебют под названием «Умерший лебедь». Зазвучали первые ноты. «Только не сорваться с пуантов!» Сердце билось так сильно, что хотелось зажать его рукой. К жизни меня

вернули только громкие аплодисменты. А спустя два дня в школьной газете я прочитала о своем выступлении: «Полька» Рахманинова в исполнении Светы Воронцовой признана лучшим концертным номером. Ее движения полны радости и легкости...» Я плакала от счастья. Значит, вот как можно скрывать дрожь? Мне казалось, что все видели мое волнение, а оказалось, что оно было не на лице, а в душе, которая, по всей видимости, никому не ведома.

Ноги сами принесли меня к Славе. Хотя я упорно сопротивлялась и почему-то так хотела сохранить верность своему идеалу, сберечь именно для него что-то очень сокровенное и ценное. Но, видимо, мои желания или, скорее, инстинкты, стали слишком большими. Слава был нежным и предельно внимательным к моим сомнительным чувствам. Краем глаза я наблюдала за тем, как наши тени сплетались друг с другом на белой стене под цитирование Пастернака: «На озаренный потолок ложились тени. Сплетенья рук, сплетенья ног, судьбы сплетенья...» Непонятно, кто кому подражал и принадлежал – тени телам или наоборот? Мой писатель искусно сочинял сценарий нашего романа, а я читала его взахлеб. Но душа, как кот, свернувшись клубочком, тихо посапывала и лишь изредка вздрагивала от случайных пробуждений, когда из окна я видела Пашку под руку с Надеждой. Они выгляде-

ли счастливыми, а я... училась ею быть до пупырышков гусиной кожи, до бессонных ночей, полных разными мыслями. Может, я поторопилась со Славой? Может, это моя вторая ошибка после преждевременного рождения? Занятия любовью. Профилактика одиночества? Развитие гибкости? Репетиция семейного спектакля? Болеутоляющее средство? Ничего не чувствую. Похоже, Слава, как истинный лирик, вкладывает в это действие всего себя, шепотом успокаивает сердце, ласками приручает душу. А я... все ищу ответы на свои вопросы. Все жду то самое прикосновение. Боюсь встретить рассвет вдвоем, убегаю за несколько минут до появления солнца. Для меня пролог утра – это что-то интимное, личное, куда мне никого не хочется впускать. Мне нравится начинать дни с прогулки, зарядки мыслей и поиска своего отражения в осенних лужах. Нравится вдыхать утренний воздух и кутаться в теплый махровый шарф, который Таня подарила мне на семнадцатилетие.

Вот и сегодня вместе с тенями я бреду по тихим и спокойным улицам, вглядываюсь в окна, в которых горит свет одиноких ламп и виднеются силуэты женщин, готовящих завтраки. Как же найти в этом мире маленькие радости жизни? Как щенок, уставший от пинков, боится подойти к миске с едой, так и я страшусь реальности, потому что знаю еще с детского садика, что

одиночкам на земле не рады. Я иду, наступая на собственную нахохлившуюся тень, и наблюдаю за тем, как ветер гонит прочь полиэтиленовый пакет, похожий на белую птицу...

Тень пятая

О весне я знаю больше, чем о математических теоремах и исторических фактах. В это время года во мне просыпается маленький человек – очень нежный, ранимый, жаждущий солнечных лучей, улыбок и объятий. Школьные годы вот-вот останутся позади, впереди – целая жизнь, которая, по идее, должна сложиться хорошо. Меня воспитывали не двор и дискотеки, а литературные «реки», театральные постановки и черно-белые фильмы. Все, что волнует человека, содержит в себе искусство. Я была слугой двух господ – танца и жизни.

Па-де-де между мной и Славой исполнялось достойно и красиво, пока я случайно не «наступила ему на сердце». Хотя, он этого даже не заметил. Однажды, во время спектакля в Малом театре, в котором мне выпала честь исполнить партию Маши в балете «Щелкунчик», я сбилась с ритма и закружилась в собственном танце, как лист под ветром. На первом ряду я увидела глаза, которые случайно осветил прожектор. В них был разлит океан, а может, горное озеро, или, вообще, отражалось небо, а может, две глыбы нетающего льда? Все дети рождаются с голубыми глазами. Наверное, это цвет чистоты и непорочности,

которые не всем посчастливилось сохранить в душе. Мой самый главный зритель, тот, ради кого я была готова танцевать всю жизнь, смотрел на меня с восхищением. За кулисами, где суэта привычна, как тишина в храме, я опять увидела его... с букетом моих любимых тюльпанов. На мгновение мне показалось, что я нахожусь в сонмании – стране, где мечты могут жить свободно и легко. Но, когда он приблизился ко мне, я стала слышать собственное дыхание, чувствовать, как бьется в висках пульс. Неужели только благодаря кому-то особо ценному и дорогому можно услышать себя? Он был для меня зеркалом, в котором отразилась моя жизнь, мое счастье. Паша. Он дал мне столько тепла за одну ночь, что им можно было обогреть всю планету. Прикосновение его рук. Единение, произошедшее в этот момент, открыло мне Вселенную. Мне не хотелось расставаться с ним, выходить за дверь, в холодный без него мир. Безумно хотелось стать невидимкой – следовать за ним по пятам. Его плечо было создано для моей головы. И лишь изредка совесть грызла меня изнутри, напоминая о чувствах Славы – его доверии и любви ко мне. Быть может, он любил меня так же сильно, как я Пашу? На следующий же день я приняла решение сказать Славе правду, но Судьба меня опередила...

Слава был серьезен как никогда и с порога заявил мне, что нам надо кое о чем поговорить. Он сообщил, что собирается идти в армию, служить как настоящий мужчина. И я поняла, что как настоящая женщина должна промолчать о своей измене нашим «искусственным» (в данном случае от слова «искусство») чувствам. Повестка явиться в военкомат пришла и к Паше. Об этом я узнала спустя три дня после разговора со Славой. Меня затрясло от волнения, когда Паша сказал, что нам придется расстаться... ненадолго... до его возвращения из армии. Я была готова ждать столько, сколько потребуется. Главное, дождаться...

Так в моей жизни наступил первый антракт. Двое мужчин, которые были мне дороги, оставили меня во власти собственных мыслей. И оба писали письма. Слава на несколько страниц расписывал поэмы о любви и лишь в конце, под грифом «P.S», описывал весь ужас, происходящий на том, мужском поле игры в настоящую перестрелку. Пашка, напротив, размашистым почерком на одной странице помещал армейские истории и явно чувствовал себя героем, желая совершить подвиги. «Мал, да удал» – такой короткой фразой он описывал свой характер. И был, несомненно, прав. Его одно слово «люблю» было всем.

Я доводила себя до обморока, репетируя в балетном зале сутки напролет. Но танец был единственной

вакциной, которая вводилась в душу. Я обращалась к зрителям и им, не ведающим ничего о моей жизни, исповедовала свои чувства. Мне хотелось единственным жестом руки передать верность возлюбленному. Мне безумно нравилось играть сильных и волевых молодых женщин, сраженных любовью и бесстрашно вонзающих нож в сердце любимого или врага.

Ожидание стало томлением, а потом перешло в отчаяние. Я чувствовала себя Жизель, которая умирает раньше физической смерти – в тот момент, когда закрывает в отчаянии лицо. Иногда я жила сценой, забывая о себе. А потом словно просыпалась, опустошенная и полностью обессиленная. Я презирала людей за то, что они когда-то придумали войны. Обвиняла судьбу за ее лихие повороты. Ненавидела тех, кто был счастлив.

На день рождения написала одно и то же желание 12 раз – быть с тобой. Сожгла лист и развеяла пепел по ветру. Я ждала. Ночами и днями, рассветами и закатами. Я молилась Богу о том, чтобы ты поскорей вернулся домой – целым и невредимым. Я подавала нищим на хлеб, кормила бездомных собак, ездила в детский дом с чемоданами вещей, исполняла балетные партии в инвалидных домах. Я все делала для того, чтобы быть хорошей перед тем, кто находится над нами и дергает за ниточки судьбы.

Во сне Паша всегда находился со мной – то мы гуляли вдоль реки, то отмечали свадьбу, то я знакомилась с его родителями, а то просто о чем-то мы болтали, свесив ноги с высокой кровати. Так прошла весна, за ней лето, осень... От зимнего холода не спасало даже отопление. Градусы опускались все ниже, ветер завывал все сильнее, а черные мешки туч на небе то и дело вытряхивали на землю снег. Неделью почта-льон проходил мимо моего ящика. Сердце сжималось от волнения и бешено колотилось от дурных мыслей. Что-то случилось. Предчувствие надвигающейся беды я ощутила, как собака чует смерть. Не беды, а катастрофы, трагедии.

Белый конверт... от Славы... В начале он, как всегда, написал ряд красивых нежных фраз, а потом... убил меня. Двумя «пулями»: «Пашка погиб». Утром тело занемело так, что я уже не могла пошевелить ни одной конечностью. Всю ночь я просидела, уставившись в темноту, и не понимая, что нужно сделать, чтобы встать с кровати и пойти куда-нибудь. Ничто не могло привести меня в чувство. Врач выписал мне больничный и велел выспаться. Он не мог понять, что мне вырезали внутренний орган – любовь.

Сны стали кошмарами, как и вся жизнь. Из зеркала на меня смотрели осколки души. Через месяц я вышла на улицу. Тень плелась впереди меня, словно де-

мон в черной накидке вел меня в подземное царство. Где-то я слышала, что тени не позволено любить, да и вообще чувствовать что-либо, и если она совершит этот грех, то будет жестоко наказана... Я шла за тенью, как на распятие, и чувствовала себя наказанной. Больше всего на свете мне хотелось проснуться и оказаться в объятиях... мамы, которую я никогда не знала. Тень у человека, как любовь, одна-единственная. Утешение я могла найти только в мыслях о загробном мире, где влюбленные, по легенде, встречаются. Мир стал черным, тихим и чужим. Если не вся, то одна половина души совершенно точно иссушилась. Когда-то я слышала фразу: «Женщины любят только тех, кого не знают», наверное, в ней есть правда. Я никогда не знала Пашку, но была готова отдать за него жизнь.

Но однажды весной, когда канонадой грохотал гром и сверкали молнии, словно в последней битве света и тьмы, вернулся Слава... Живой.

Тень шестая

Жизнь продолжается после смерти. Быть может, это отражение и всего лишь ее тень, но я начинаю понимать, какой на календаре значится день недели, число и месяц. Ко мне приходит осознание того, что в мире находится место всем – брошенным детям, малолетним проституткам, сумасшедшим старикам, заключенным, просвещенным, уродам, моделям, животным и даже призракам. Неужели только мне нет места среди людей?

Нарыв, образовавшийся в душе, никак не проходит. Я все время вглядываюсь в толпу, чтобы встретить среди тысячи глаз его – родные, теплые голубые глаза, похожие на озера.

Меж тем Слава изменился. Он возмужал, окреп и стал настоящим мужчиной. Из мечтателя и поэта он превратился в писателя. Он тот, кто проводил мою любовь в вечное царство, кто закопал ее в земле и был последним, кто дотронулся до нее рукой. Только поэтому я вообразила, что благодарна Славе и должна любить человека, притронувшегося ко моей любви. Быть может, я должна была его ненавидеть за то, что он остался жив, а Паша... Нет. Не хочу ни произносить вслух, ни писать об этом. Радости забывают-

ся, а печали никогда...

Любовь – это мост к молитве. Под покровом веры мне становится тепло и уютно, гражданская война внутри меня, когда одна часть твердит: «Храни верность Паше», а другая: «Прими любовь Славы», – затихает. Привыкаю. К его словам, ласкам и заботе. Нахожу в нем утешение. Но понимаю, что никогда не смогу раскрыть ему душу и признаться в том, что сердце мое больше ни с кем не будет – ни с ним, ни с другим. Быть может, кто-то меня осудит за такой поступок. Но я не святая и никогда ею не буду. Я женщина, которая однажды преклонив колени перед любовью, осталась ей верна.

Но жизнь неумолимо идет дальше, иногда мне кажется, что лучшее, что я могу сделать, – это подарить кому-нибудь хоть немного счастья. Моя душа прекрасно чувствует Слаvinу, его трепетное отношение ко мне. Я не могу его отвергнуть, потому что для любви все двери открыты, и его любовь помогла мне выйти из состояния полусна, в которое я попала. Таня рассказывала мне, что любим мы не за внешность и не за какие-то там нравственные качества, а просто потому, что, сами того не зная, необходимы этому человеку. Слава оказался крепким. Я видела ребят, которые возвращались с войны мертвыми, со стеклянными глазами. Слава выжил в аду, он не стал мораль-

ным калекой и сумел защитить от удара свое сердце. Он выжил любовью и исцелил ею меня.

Слава не заставлял меня клясться в верности, не спрашивал, был ли у меня кто-то после него, он безоговорочно меня любил. Без условий. Я согласилась стать его женой. Даже не из сострадания. Просто однажды, осознав настоящую любовь, ты никогда не сможешь ее прогнать...

Во время свадебной церемонии самыми счастливыми были наши тени, потому что у них нет лиц. Они торжественно шли впереди нас, держась за руки, как в детском саду много лет назад...

Тень седьмая

Седьмого апреля на свет появился малыш со светло-голубыми глазами. С него начнется новая жизнь. Прикосновение. Сын дотронулся до моей груди. Что-то затрепетало внутри меня, словно во мне ожила птица с большими белыми крыльями. Слезы ручьями стали стекать по лицу, и вдруг я отчетливо увидела перед собой Пашу. Он стоял возле белой стены – такой молодой, настоящий, красивый, и улыбался нам. Видение было столь ясным, что на мгновение мне показалось, будто бы я умерла и вознеслась в царство вечного покоя. Это состояние невозможно описать словами. В нем хочется помолчать и насладиться красотой тишины. Гораздо проще мне было высказаться, выкрикаться и выплакаться в том эмоциональном облаке страха, горя и трагедии. Драму проще описать, в ней много сложносочиненных предложений и колких слов. Покой говорит на языке тишины... Повторяюсь, потому что нечего сказать...

Образ моей любви стал рассеиваться, и постепенно передо мной предстала обычная белая стена, которая секунду назад была закрыта тенью Паши. А может, тень напоминает нам о душе? Она невидима и точно так же, как и душа, проявляет себя только в иг-

ре света и тьмы. Только сейчас я почувствовала, что передо мной, во мне, рядом со мной и на моих руках Жизнь. Только теперь мне впервые после смерти любимого человека захотелось быть счастливой. Только в настоящем мне оказалсоь хорошо. Так, словно случился финал чего-то грандиозного, а за ним последовал новый спектакль с другими актерами, репликами и сюжетными линиями.

«Давай назовем сына в честь моего лучшего друга...» – Слава тихо и уверенно произнес это, когда первый раз в жизни взял на руки младенца. «Павлуша...» – прошептал он так нежно и трепетно, что мое сердце чуть не остановилось. Я плакала только и смогла кивнуть в знак согласия... Мне показалось, что душа Паши действительно переродилась. Быть может (по крайней мере, мне этого очень хотелось), мой сын стал обладателем этой задорной и живой души, не реализовавшей себя в прежнем воплощении...

В 25 лет я начала отдавать отчет своим желаниям и потребностям. Я понимала, что никого не смогу любить так сильно, как Пашу, и что никакое время с его годами, летами и веками не в силах сгладить шрам на моем сердце. Слава Богу, что рождение сына чудом залатало рану. И перед верностью Славы я преклоняю голову. Таких мужей на свете очень мало. Хранить, согревая и уважая, чувство любви, дано не каж-

дому мужчине. Может, поэтому он стал успешным писателем. Ведь только тот, кто может разговаривать с душами, обладает правом высказывать свои мысли.

Муж научил меня счастью. Он доказал, что это не яркая вспышка, не мимолетная эйфория и не призрачная тень, а искусство жить в мире. И что любовь зреет в семье. Да, я не испытывала к нему трепета и жажды, от которой сходила с ума при виде Паши. Но я ощущала где-то внутри, в себе, не чувство долга, а чувство комфорта и защищенности. Моя любовь не была нищей попрошайкой, протянувшей руку за горсточкой счастья. Я прошла мастер-класс и стала счастливой женщиной. Может, и громко будет сказано, но я покорила тот айсберг, на который мечтала забраться в детстве. Ледовитый океан находится не только на карте мира, но и в Книге Судеб.

Смотрю на малыша и вижу, как его занимает все вокруг – игрушки, предметы, ручки и карандаши, как он из маленького свертка превращается в маленького человека со светлыми завитками, внимательными глазами и резкими движениями. Как шевелятся его губы при виде теней, как он улыбается и замуривает глаза от солнечных зайчиков, которые показывает ему папа. Тени... вечные безмолвные свидетели моей жизни. Как оказалось, вы служите не только мне, но и всем вокруг. Просто кто-то перешагивает через вас, не

обращая внимания на своих молчаливых двойников, а кто-то вглядывается и ищет невидимый смысл в видимом проявлении. Когда муж показал мне наброски будущих новелл, я едва не потеряла дар речи, узнав, что все они посвящены теням. И когда читала седьмую тень, посвященную Пашке – его жизни и смерти, думала, что вот-вот и потеряю сознание от каждого слова, обнажающего все чувства мира. Мне хотелось закричать, встать на колени перед мужем и во всем ему признаться... Но невидимая рука крепко притянула меня к реальности, не позволяя разрушить созданное счастье. «Мапа, мапа...» – сын показывал пальцем на мою тень, проявившуюся на стене. Слог «ма» еще жив, а слог «па» уже умер или заново родился – я тихо прошептала мысли вслух. Па...ша...

Тень восьмая

Воспоминания... Иногда по ним ступаешь как по теплему песку, а иногда они похожи на раскаленные угли, вонзающиеся в ноги. Чем старше становится Павел, тем больше подтверждаются мои мысли... Да, он, как и тысячи детишек, тянется рукой к книжным полкам, на которых стоит множество сказок и романов, но сын выбирает только любимые произведения Паши – Марк Твен, Даниэль Дефо, Астрид Линдгрен... Точно так же, как и он, приоткрывает от удивления рот, смешно морщит нос и неторопливо перелистывает книгу. Затем останавливается на каком-то понравившемся моменте, усаживается на ковер, и уже никакими уговорами не заставишь его встать с пола и начать делать домашние задания. Слава злится, то ли от того, что сыну неинтересны его сказки, то ли считает, что я слишком балую Павлушу. «Мама, у меня выпал еще один зуб...» – скоро все молочные зубки сменятся на постоянные коренные. Точно так же сменится и характер. До чего же он смешон! Просто любит, просто сердится. Всего лишь мгновение назад кричал: «Не хочу тебя видеть!» на мою просьбу сложить игрушки и выключить телевизор, а уже спустя минуту сидит на коленках у отца и просит расска-

зять какую-нибудь интересную историю. Ребенок живет мгновением, взрослый – сожалением и надеждой.

После работы... Да, раньше то, чему я посвящала все свое время, называлось творчеством, теперь – работой. О, балет, ты давно остался в прошлом... Тот, настоящий и великолепный танец, сводящий меня с ума. Теперь я обычный педагог по танцам. Мое сердце не бьется под аплодисменты благодарной публики, мое тело уже не такое легкое и грациозное, мои движения потеряли красоту. Но это то, над чем время имеет власть. Безумно больно осознавать, что в какой-то момент ты имеешь право танцевать лишь в воображении да в пустом зале, перед десятком зеркал, отражающих только тебя... Самое печальное – это вовсе не воплощенная в реальность мечта, а ее увядание. Когда прекрасное в один момент становится явью, а потом, оставив на твоей жизни сотни следов, исчезает, как облако, кажется, что это и есть настоящая маленькая смерть... Недоигранная мелодия, заевшая на миноре. Вместе с мечтой меркнет один из огоньков души.

Однажды Паша рассказал мне о своей мечте – из всех инструментов, звучащих в оркестре, больше всего ему нравился саксофон и, если бы у него была возможность научиться игре на нем, то он бы точно стал великим музыкантом. Я взяла семилетнего сы-

на за руку и повела его на концерт, в филармонию. За кулисами мы познакомились с музыкантами-саксофонистами. Я так и думала, все, как по известному сценарию мелодрамы. От золотистого инструмента он пришел в восторг и тут же отобрал у молодого парня «мечту Павла». Пальчики стали активно нажимать на кнопки с перламутровыми кружочками, и звук постепенно начал приобретать музыкальный окрас. Ребята-музыканты удивленно переглянулись... Сын так уверенно нажимал нужные кнопки, что со стороны могло показаться, будто бы пальцы сами прекрасно знали технику игры на инструменте. С этого момента у нас в доме постоянно звучал диск Чарлза Гейла – американского джазового саксофониста. Слава вначале улыбался увлечению сына, а потом, когда понял, что дело «зашло всерьез», купил ему настоящий саксофон. По вечерам мы водили мальчика в музыкальную школу, где все педагоги не переставали восхищаться его талантом. «И в кого же он такой гениальный?» – иронизировал Слава, не замечая моих опущенных ресниц.

Впервые пишу записку об упокоении душ Татьяны, Павла и отца мужа. Уходят близкие люди. Безвозвратно. Ты понимаешь, что больше никогда в жизни не услышишь их голоса, не увидишь их глаз и не прикоснешься... Душа – вечна. Но кто она без тела? Пугаю-

щий призрак, странствующая тень или звезда, вспыхнувшая на небе. Никто этого не знает. А люди уходят... Кто-то молча, как бы смирившись, кто-то болезненно расстается с жизнью, кто-то внезапно, по воле несчастного случая. Когда понимаешь, что финал жизни у всех один, становится как-то спокойнее, легче что ли... Глядя в гроб, начинаешь видеть пустоту несчастий, которым в буднях мы придаем особое значение. Это напоминает коробку из-под ботинок, в которой бережно хранятся старые фотографии или записки из дневника. Слава держит сына за руку и подводит к могиле своего отца. «Папа, а люди не умирают, ты не плачь! Они живут, только чуть выше, чем мы на земле. И улыбаются, глядя на нас. Не плачь, пожалуйста...» – маленькой ладошкой он смахивает с лица отца слезу. Тень от величественного дуба, раскинувшего ветви над могилами, накрыла Павлушу. «Пойдемте!» – Слава резко направился к выходу, к маленькой калитке, рассказывая по дороге, что на кладбище никогда нельзя попадать под тень – от дерева, креста или памятника, от чего угодно, потому что это единственно уцелевший «наряд» покойника. Для мужа-писателя тени давно стали если не друзьями, то очень хорошими знакомыми. Страшно, что из детской забавы даже тень со временем превращается в злого врага. Но ведь на самом деле мы боим-

ся собственного двойника, и чем быстрее мы бежим от тени, тем быстрее она нас догоняет... Над нами пролетела черная ворона и, усевшись на дерево, насмешливо закаркала.

Тень девятая

Он упирается лбом в зеркало и вздыхает так, словно прожил тяжелую жизнь. Убедившись, что отец ушел прогуляться после очередного скандала, выходит из ванной комнаты, садится за стол, молча опустив голову, и неподвижно смотрит в тарелку. «Мама, но ведь я люблю ее. Очень! Неужели ты не можешь этого понять? Вот ты когда-нибудь любила по-настоящему? До дрожи?...»

Пашке исполнилось 17 лет – время безоглядных чувств, когда под ногами не видно даже собственной тени. «Юлька... она... она просто нереальная!» О рыжей бестии он может говорить часами, захлеб, так, как я мечтала, чтобы обо мне говорил Паша. Влюбленность шлейфом тянулась за ним, как аромат легкого фруктового парфюма. Я не могла его ругать и уж тем более приказать расстаться с девушкой. Пусть сам принимает в жизни решения и сам несет за них ответственность. К тому же не у каждого человека из чувства – маленького зернышка – прорастает цветок любви. Почему? Потому что зерно в безопасности – оно спрятано в душе, а цветок, чтобы раскрыться, должен бороться с почвой, камнями, скалами. Он должен пробиваться к солнцу – источнику света. Любовь

– это всегда преодоление.

Слава лишь тенью существует в семье. Творчество захватило его целиком. А я спокойно смотрю на будущее, без прикосновений к былым мечтам. Раньше я точно знала, чем заполнить свое время – балетом и любовью. Мне казалось, что я смогу менять жизни людей посредством искусства, жить вдохновенно и хорошо. А сейчас на горизонте виднеются пустые дни, в которые мне нечего вложить, кроме заботы о сыне и муже. Пока глаза моргают, надо дышать, надо жить, надо видеть... хотя бы своих близких.

Я вижу, что Слава начинает меня жалеть. Нет ничего хуже, чем то, когда твой собственный муж смотрит на тебя печально и едва не плачет от былых воспоминаний. Зеркало демонстрирует мне героиню программы, в которой женщин переодевают модные стилисты. Только сегодня, спустя 25 лет совместной жизни, я задумалась об изменах. Интересно, был ли у Славы кто-то на стороне? Мысль, как ни странно, не щекотала мои нервы, а прозвучала точно так же, как и сотни других. А Пашка сияет при виде Юльки. Я вижу, как они сплетают под обеденным столом руки, как целуются в подсобке, как смотрят друг на друга и благодарю того, кто живет выше нас, за то, что мой сын любит страстно и увлеченно. Это счастье, за которым многие готовы отправиться на край света.

Я изменила Славе. Один раз. «Долгоиграющая пластинка» была прервана звучанием нового инструмента... Он преподавал нашему сыну игру на саксофоне. Когда мужественный голубоглазый мужчина с седыми висками прикасался к перламутровым клавишам, то мне казалось, что именно таким сейчас мог бы быть Паша. Боже мой, иногда мне так хотелось, чтобы память начисто стерла воспоминания о нем. Или же если бы между нами тогда ничего не случилось, если бы он продолжал встречаться с другими и не касался моего тела, то, быть может, я бы и не провела свою жизнь в вечной тени былой любви. Но чему быть – того не миновать. Музыкант был чувственным, нежным и безумно эгоистичным. Мужчина с зеркалом. Он безумно гордился своим сыном – ровесником Паши – и все время повторял, что его Женя – вице-президент. Конечно же, я сострила на эту тему, сказав, что даже в супермаркете есть вице-президент, заведующий изюмом. Его необузданные эмоции тут же проявили себя, он с важным видом позвонил в супермаркет и попросил к телефону вице-президента, заведующего изюмом. Ответ его не утешил, а лишь поставил точку в наших наигранных отношениях, так как в его представлении умная женщина либо закоренелая стерва, либо перерожденная Жанна д'Арк. Вся беда в том, что девушка на другом конце телефона вежливо поинте-

ресовалась: «Какого вида? Упакованного или развесного?» Вся эта измена была одновременно комична и трагична. А саксофон мой сын забросил на чердак... Жаль, что в доме теперь звучит либо тишина, либо барабанная дробь через колонки компьютера.

Многие готовы принять все, что угодно – любовь под видом секса, дружбу под прикрытием сплетен, веру под модным лозунгом, но только не самих себя... Как странно спутаны мои мысли – то они вгоняют меня в тень жизни, то выводят на яркий свет.

Тень десятая

По утрам мне нравится быть помощницей Бога. Я открываю окно и крошу голубям белый хлеб. Наверное, точно так же кто-то сверху посылал утомленным путникам «небесную манну». Мы о многом не догадываемся. Ведь голуби не додумались поднять головы и увидеть меня, выглядывающую из окошка на пятом этаже. Они принялись клевать, воркуя о чуде и вере. Человеку, в отличие от всех других представителей планеты, помимо души, дан дух, поэтому только когда обретается смысл жизни, мы осознаем значение слова «счастье». И оно не бывает мужским или женским, юным или зрелым, постоянным или редким. Это просто принятие мира в себе. Я не хожу в церковь, потому что она построена человеческими руками и под влиянием политических взглядов. Я не посещаю модных нынче психоаналитиков, потому что они кивают в ответ, говорят прописные мудрости, но не способны услышать тихий плач моей души. Я не обиваю пороги ясновидящих и священников, потому что предсказывать мне нечего и прощать меня не за что. Говорят, что если вы нашли умиротворение и приняли себя, то вам больше нечего искать. Да что там рассуждать, человек – всего лишь попытка быть...

Я осознала себя, но не нашла умиротворения, не воплотила себя в этой жизни. Эмигрировала вместе с Пашей в другое измерение и просто существовала под тенью жизни. Саксофон. Не поверила своим ушам, когда услышала, как из комнатки Павлуши доносятся звуки его мечты. Не может этого быть... Сын снова прикоснулся к инструменту. В последнее время у него грустные глаза, философские мысли и одни эскизы на рабочем столе. Я пробовала поговорить с ним по душам, но на все мои попытки был дан высокопарный ответ: «Мама, не мешай мне реставрировать желания». Маленький мальчик стал взрослым человеком, закаляющим свои чувства и уже способным поднимать гири неудач и поражений. Он расстался со своим рыжим увлечением и стал создавать одежду. Началось все с того, что его Юлька работала фотографом в глянце и однажды пригласила Пашу на съемку моды. Увидев, как модельеры презентуют свои коллекции, он не удержался, на следующий день купил ткань и тем же вечером приступил к созданию наряда. Откуда у него взялась такая прыть к моде, мы с отцом понять не могли. Думали, хочет покрасоваться талантом перед Юлькой, отец от злости покраснел, а я лишь улыбнулась. Любовь, даже неразделенная, всегда самодостаточна, и всегда она направлена на благо искусства. Я не смогла стать Уолтом Диснеем, ко-

торый ребенком замучил сову и с тех пор решил оживить животных в мультиках. Я замучила и не оживила свою любовь. Мой врач говорит, что единственная часть человека, лишенная способности самовосстанавливаться – это зуб. Не соглашусь. Если однажды душа уходит в тень, то на свет ей выбраться крайне нелегко.

Слава спокойно читает газету, курит, выпуская свои фирменные колечки дыма, и нервно комментирует очерки молодых и глупых (по его мнению) авторов. Смешные старики! Вспомнил бы свои заметки юности, как у него Фамусов выходил в задний проход... Сопит, когда я напоминаю ему, отмахивается, мол, шутил он так. Другие времена, а нравы все те же. Теперь, когда сын «при деле», Славе не о чем беспокоиться. Он прожил достойную жизнь, не вдаваясь в подробности жизни родных людей. Он был уверен, что его любят, потому что видел мою улыбку, вкусные ужины и подрастающего сына. Говорят, что люди делятся на три категории: те, кто делает то, что происходит; те, кто следит за происходящим и те, кто удивляется, что происходит. Мой муж всегда относился к разряду первых личностей. Он хоть и был писателем, заглядывающим в души (именно так о нем высказывались знаменитые критики и журналисты), но, наверное, у мира слишком развитое чувство юмора, вот он и ирони-

зирует над судьбами. Слава создавал героев, наде- лял их сложными характерами, сочинял им такой сце- нарий, что даже режиссеры немели от его фантазий, кроме того, он был психологом для наших друзей, вы- искивая занозы, беспокоящие их, но никогда не при- глядывался к самым близким... Считал, что знает их, как себя, или что уже давно прочитал мою «книгу», хотя не сумел разглядеть даже обложку...

Его «Тени» стали брендом. Издательство постави- ло на конвейер то, что раньше было святым. Слова... Они сопровождают каждого, как тени. Но каждое из слов бывает особенным, дышит и ранит, воскрешает и умертвляет. А я растеряла свои слова. Я почти поте- ряла даже собственную тень. Ей слишком мало света, ее практически не видно. Лишь иногда она плетется за мной в магазин да покорно опускает голову, когда я читаю книгу, или гладит вместе со мной кошку, кото- рую я просто не смогла оставить на произвол судьбы. Еще два месяца назад она была взъерошенным мок- рым котенком, забившимся в картонную коробку на автобусной остановке. Когда я взяла котенка на руки и увидела спокойные улыбающиеся глаза, то не мог- ла сдержать слез от понимания, насколько животные ближе к Богу. В глазах людей я часто «читаю» безу- мие, жажду и гнев, в глазах кошки, собаки или лоша- ди – да кого угодно, вы никогда не увидите отражения

этих пороков.

Тень одиннадцатая

Семейный ужин. За столом несколько поколений – мы со Славой, сын с молодой женой и их ребенок, мой внук, играющий с тенью. Нам кажется, что завтра все будет иначе... Но карусель будней кружит без остановки. Извечная колея – старики уходят, на их место приходят люди с такими же фамилиями, заботами и мечтами. Мы все стремимся в будущее, летим навстречу новым событиям, думаем о том, как бы поскорее исполнить мечты и цели, планы и обещания, но достигаем только могилы. Сколько желаний выскользнуло из жизни... Грустные мысли тенью ложатся на разум. «Нет, я не Байрон, я другой...» Другая. Каждой из своих шестидесяти (по подсчетам биографов) женщин поэт говорил: «Без тебя я не могу жить» – и, попав в мишень каждой из этих женщин, отправлялся на поиски следующей. И лишь одна ответила ему: «Это очень легко – умереть, это так поэтично, романтично; но жить с женщиной, стать женатым... это совершенно бессмысленно». А что было бы, если наши жизни не оказались разорваны пулей, а сложились бы вместе, как два пазла? Любили бы мы друг друга все эти годы? Смогли бы создать семью и вырастить сына? Да и если бы я отвергла Славу,

то какой путь ожидал его? Быть может, он запил и никогда не стал бы известным писателем или же встретил более красивую и любящую женщину, чем я?.. А если бы Адам не съел яблоко?.. Боже мой, я до сих пор сомневаюсь... А ведь мне грех роптать на жизнь, которую я могла и не прожить... Меня постоянно кто-то спасал – Таня поставила меня на ноги, Паша позволил прочувствовать глубину любви, Слава защитил от одиночества и не дал в обиду горю.

Парк. Мощный дуб раскинул ветви и бросил на асфальт тени. Жизнь, как тень, всегда необъяснима. Слава с тревогой посмотрел на черного ворона, оставляющего следы на моей тени, и решил отвлечь от меня печаль: «Светочка, посмотри на облака... какие они нежные и воздушные...» – «Крышка Вселенной...» Смешной, любимый муж, который вернулся в юность – в истинное обожание природы и мира, а не денег и важных связей. «Жизнь – это не математика, это поэзия, – ответила я ему улыбаясь, – и чудеса...» Мы вместе шаркаем ногами по опавшим листьям и смотрим на небо – ведь именно там расписаны истории наших судеб. Наверное, наша прогулка и есть счастье в зрелом закате. Ворон взмахнул огромным черным крылом...

Тень двенадцатая

Через два дня мне исполнится 75 лет. Стою возле зеркала, примиряю платье, которое купила по случаю дня рождения. Смотрю на седые пряди, глубокие морщины и сутулую спину. Почему старость так некрасива? Почему время калечит тело и приводит мысли только к воспоминаниям? Сколько же вопросов скопилось за все годы.

Быть может, кто-то когда-нибудь обнаружит мой дневник под скопищем ненужной макулатуры, прочтет и улыбнется женской наивности или выбросит в мусорный бак, сочтя выписанную историю скучным рассказом, лишенным сюжетных искр и острых драматических поворотов. Это дело каждого. Но я лишь записывала свои мысли для того, чтобы передать маленькому сердцу, бьющемуся в большой вселенной то, что любовь есть. Не сделка, которая считается браком, не страсть, похожая на мелодраму, не животный инстинкт, за которым охотятся многие люди, а чувство глубокого уважения к чужой жизни и желание украсить ее радостью и красотой. «Я люблю тебя» должно звучать из сердца, а не из головы.

В моей жизни ничто не упущено. Кроме рождения, окутанного тенью. Я никогда не знала свою мать.

Только Таня рассказывала мне о ее тяжких мучительных переживаниях о том, как она не хотела, чтобы я рождалась на свет.

Все мы следуем за модой – религией, карьерой, семьей, только для того, чтобы найти счастье. Но все это лишь призрачные тени будущего. Когда Паша уходил на фронт, он сказал мне: «Знаешь, что отличает женщину от мужчины? То, что она может следовать за ним...» Теперь я не только понимаю это, но и живу, следуя за ним.

Слава все реже берет в руки авторучку. Он может часами задумчиво смотреть в окно, как будто провожает жизнь долгим печальным взглядом, или читать газету. Я вижу, как он бессилен перед старостью. «Ты помнишь Пашу?» – прохрипел он через газету. «Интересно, если бы он не погиб в этой чертовой войне, как бы сложилась его жизнь?» – не дождавшись моего ответа, он продолжил говорить о том, с кем жило мое сердце, пока я в который раз досматривала свой любимый фильм «Любовь побеждает все»...

Любовь побеждает.

Часть 3. Друг

Пролог

На мостовой лежат светлые полосы от освещенных окон. Между ними – безмолвные тени, обреченные на вечный покой. Все это неприкаянные души. В отражение корявой старой ветки закована душа пьяницы, который когда-то был банкиром, проигравшим жизнь в казино. Захлебнулся от водки. В рай не пустили, ад уже забит особо тяжкими грешниками, поэтому пришлось стать тенью. Здесь много отражений. Столько же, сколько историй. Проститутка со взъерошенными волосами, попавшая под нож маньяка. Богач с сигарой в зубах, застреленный на веранде двухэтажного особняка. Актриса, подсыпавшая яд своей сопернице. Колдунья, возложившая на язычество большие надежды. Настоятель монастыря, насилующий под страхом смерти послушниц. И даже продавец мороженого, обсчитывающий детей на три копейки. Все несут наказание за свои деяния. Они, как маленькие дети, поставлены в угол.

Мой ангел проводит мне экскурсию по неведомым мирам. Не зря православная бабка говорила мне, что

с близкого расстояния видишь камень горы, а не всю гору. Я вижу жизни своих близких и родных, знакомых и незнакомых. Многие из них истощены и опустошены, они неприкаянно ходят по земле, жалуются на судьбу и без умолку болтают о своей нищете, превращаясь раньше времени в тень. А вот и сияющие жизни, они как звезды на темном покрывале. Среди современной убивающей суеты встречаются люди сильные духом, которые скромно, не кичась, совершают благие дела, и добродетельность для них образ жизни, а не подвиг.

То, что раньше казалось мне глобальным и невыносимым, отсюда видится легким, как щелчок пальцами, и маленьким, как иголка в стоге сена. Я все вижу и слышу, но уже не чувствую многих вещей, например, не знаю, какой на календаре месяц, холодно на улице или тепло, ветер или штиль, шумно или тихо. Через девять дней мне предстоит серьезный разговор с Богом. Впереди – восемь дней для просмотра собственной жизни. Ожидание не вызывает у меня страх, колющий сердце, я не так многожил, чтобы создать галерею грехов. Волнение, скорее, легкий мандраж, как перед экзаменом, но только не государственным, а духовным.

Тень первая

Белое облако плывет по ярко-синему небу. Красиво. Лечу к нему с невероятной скоростью так, словно за спиной огромные крылья. То, что происходило еще мгновение назад, на раскаленной земле, кажется страшным сном. Я не знаю, что меня ожидает – тень на асфальте или луч света. Вспомнить бы молитву да раскаяться за нелепые погрешности, но в этот переходный момент меня окружают ничтожные (по сравнению с вселенскими) мыслишки. Хочется закурить, выпить сто грамм и спуститься на землю. Дожить. Хотя бы до пятидесяти. Родить сына. Увидеть глаза матери и любимой. Пожать руку другу. Просить прощение у девушки, которая отдала мне свою молодость, а я ею бездумно воспользовался. Беречь время. Уважать дни. Не рассуждать об истинах, а делать добро. Гулять по улицам и любоваться природой. Только сейчас мне раскрываются простые, человеческие желания, благодаря которым я мог ощутить счастье. Не зря в народе говорят: «Иди служить – заматереешь». Это горькая и дезинфицирующая, как водка, правда. В кирзовых сапогах я стал другим. Глядя на смерти, сначала становишься пылким и жаждущим подвигов, не думая, бросаешься в огонь и опускаешь голову,

пропуская пулю, затем хочется покоя и тишины, хочется прижаться к матери, и ты проклинаешь всех, кто разжег войны, а потом приходит привыкание и серьезность. Душевная лирика превращается в серый пепел, который ветер швыряет тебе в лицо. И только, когда пуля ранит сердце, хранящее любовь, как в фильме «Летят журавли», начинаешь галлюцинировать березками. На мир смотришь другими глазами – не важно, моргающими, благодаря ангелу-хранителю, или доверчиво распахнутыми.

О том, чтобы служить в армии, я мечтал с самого детства. Сколько себя помню, в одной руке держал игрушечный танк, в другой – книжку с картинками, на которых изображены самолеты. Хотел стать бравым спецназовцем или, на худой конец, полководцем. Расчищать мир от врагов мне хотелось больше, чем быть воеводой. Тогда война казалась мне игрой в перестрелку. Я слышал истории седых генералов, видел награды и медали деда, читал книги о подвигах простых солдат, которых мгновение превращало из сопливого пацана в защитника отечества, и с завистью смотрел на молодых парней в военной форме. Хотел оказаться среди сильных и смелых, ловких и храбрых, мечтал стать бесстрашным героем и спасти мир от зла. В детстве мечты глобальны, а возможности слишком малы, в зрелости все наоборот – мечты

ничтожны, а возможности велики. Круговорот жизни, в котором мало кому удается спаять желания с реальностью.

Я никогда не смогу описать жизнь в армии так, как сделал это Слава – мой друг. Он был писателем, который раскрасит любую историю фантазией, не искажив при этом истину. Ему, как творческому человеку, армия была необходима, чтобы видеть боль в глазах, а не на словах, и через свое, закаленное слово рассказывать людям о чести и дружбе, жестокости и предательстве, свете и тьме. У него была своя, важная миссия – снимать накипь с отчаянных душ, не ведающих о трудностях, но постоянно о них говорящих. Он очень переживал, что может умереть. В Чечне каждый из нас был проверен на прочность, везение и доставил уйму хлопот ангелу-хранителю. Нам повезло с лейтенантом. Невысокий, худощавый мужчина лет сорока с проникновенным взглядом карих глаз, столь выделяющихся среди стеклянных, отрешенных, был на удивление интеллигентным. В разговорах никогда не матерился, все задания давал четко и внятно, в разведке за солдатами не прятался, а старался, где надо, первым идти. Зауважал я его за бесстрашие и чуткость.

Сегодня отправляемся в дальнюю разведку. Поход в горы обещает быть опасным и трудным. Обычно уходят группы из шести-десяти человек, а возвращаются от силы пять. Нас было семь. Первым потеряли молодого солдата, который клялся еще вчера, что выживет, потому что его девушка ждет... Когда мы добрались до какого-то села, лейтенант предложил передохнуть пару часов. Тут же послышался храп. Я сидел и смотрел на небо, пересчитывал звезды. Слава задремал на моем плече. И вдруг я увидел, как вдали что-то сверкает золотисто-синеватым светом. Купол. Церковь. Я пошел туда. Храм был закрыт, но черные чугунные ворота распахнуты. На улице были выставлены три большие иконы – Богородицы, Иисуса Христа и Николая Чудотворца. Рядом с ними поликандило – лампадка, окруженная двенадцатью восковыми свечами. Темно. Тепло и тихо. Спокойно. Где-то поют птицы. На небе бледный лик луны. В этот момент на меня нахлынуло чувство умиротворения. Тревожные мысли не вытесняли заученную в детстве молитву «Отче наш». Как давно я не общался с Богом, как давно потерял это ощущение веры в святое. Почему так происходит? Когда никто не способен помочь, ко-

гда понимаешь свою малость перед страшной силой, только тогда начинаешь смотреть в небо и молить видимое и невидимое о спасении? Мир умещается в простых житейских буднях, но при этом он настолько духовно безграничен, что мы и представить себе не можем. Только сейчас я заметил, что чей-то черный силуэт застыл возле иконы Божьей Матери. Человек держал в руках свечку. Маленький огонек осветил его лицо. Лейтенант. Надо же, я даже не удивился, что он верит в Бога.

На мгновение мне показалось, что все в жизни наполнено светом и пропитано любовью. Но реальность была жестока для нас, исполнителей чьих-то политических и собственнических амбиций. Автомат висел на плече, за спиной затаилась смерть, которая тенью следовала за жизнью и то и дело прикасалась к кому-то холодной ладонью.

На рассвете мы отправились в горы. Слава, перечитав утром, как молитву, Светино письмо, был отчего-то хмур и со мной не разговаривал. Неужели она написала ему о нас? Нет. Не могла. Это подлость. Я просил ее отвечать ему на письма и уважать его любовь. Вот вернемся – и разберемся с чувствами. Путь действительно оказался долгим, наши потери росли. Шестеро... пятеро... четверо...

Я покрылся потом от навязчивой мысли, что нико-

гда не смогу увидеть маму и Светку, обнять их и прижать к себе. Слава угрюмо ворочал ноги и что-то бурчал себе под нос. Мне почему-то безумно захотелось по-дружески ударить его по плечу и сказать: «Брат, все будет хорошо». Рядом с писателем, зарисовывающим жизнь цветными мелками, солдатом, служившим родине, сыном, души не чаявшим в своих родителях, в нем уживался еще один человек – настоящий друг. Нравится мне этот парень вопреки законам дружбы, которую разбивает девушка. Да, я чувствовал себя предателем, но, видя, как трепетно и нежно он относится к Свете, не мог ранить его признанием, которое было бы сродни пули. Я подошел к нему во время короткой стоянки и обнял. Глаза зажмурились. Небо из голубого стало превращаться в темно-серое, затем вспыхнуло яркой молнией и вовсе померкло, почернело. Земля исчезла из-под ног. Деревья закружились в хороводе, а в ушах словно дрель засверлила. Миг. Постепенно все стало рассеиваться и превращаться в легкие облака. Я летел над ними, не ощущая тела. Так, словно сбросил с плеч тяжелый ранец и облегченно вздохнул.

Тень вторая

В полузабытье, которое в армии заменяет сон, я постоянно вижу ее образ – такой светлый и манящий. Светлана. Нет в мире большего благородства, чем любовь. Она очищает, исцеляет и наделяет силой. Именно под ее воздействием человек начинает жить и ясно видеть мир. Я любил Светку с детского сада, нет, не верно, с пеленок, с того самого момента, как увидел рядом с собой маленький сверток с девочкой – новорожденной, но долгое время прятал свои чувства, не осознавал их. Тосковал и думал, что обойдусь без нее. Смотрел со стороны на них со Славой, понимая, что не хочу быть тенью на пути влюбленных. Что ж я так долго терзал свою душу и упускал из виду ее взгляд? Не знаю. Наверное, боролся с чувством из-за собственной гордыни, боялся, что откажет или рассмеется, да и не хотел лишиться дружбы Славы. Так хоть я старался делать вид, что живу своей жизнью, а открыв сердце, не переживу разрыва дружеских отношений. Время было потеряно. Мы оба молчали и смирялись.

«Расставание», – прохрипела судьба. Ветер стих, когда я возвращался домой, к матери, сообщить ей о том, что отправляюсь служить. Еще неделю назад

мы с ней сидели на кухне, как в детстве, пили чай с малиновым вареньем и вели разговоры за жизнь. Я рассказал ей о Свете. Она лишь улыбнулась и с такой теплотой посмотрела на меня, что сердце сжалось от любви к матери. Мне безумно захотелось ее обнять и благодарить за жизнь, тепло и внимание, которыми она меня щедро наградила. Но сейчас я должен сообщить ей об армии. Хотел подобрать слова, чтобы не так сильно ранить ее сердце. Уже все знали о боях в Чечне, и каждый раз мать плакала, слыша истории о гибели молодых ребят. «Мам, я вернусь. Живым. Только выполню свой долг» – это все, что я мог сказать в утешение. Она ничего не ответила. Посмотрела в окно, а во взгляде читались мягкость, тепло и смирение. В этот же вечер мы отправились со Светкой в область, к друзьям, пригласившим нас на ужин. Их маленький бревенчатый домик стоял на окраине села у речки. Когда все наелись, наговорились и легли спать, мы взяли лодку и поплыли вдоль берега. Я смотрел Свете в глаза, наполненные любовью. Она была прекрасна – счастливая и красивая молодая девушка. Мысль о войне показалась мне ужасной, дикой. Неужели смерть разомкнет наше чувство? Неужели кто-то сверху способен повести себя так грубо, насмешливо и бессердечно? Нет, слишком далеко я зашел в своих мрачных рассуждениях. «Родная,

жди меня...» Она зарыдала, вырвалась из моих объятий. Я понимал, что одним ударом разрушаю все наши мечты о семейном счастье и собственном очаге, но я не мог не принять вызов судьбы и до конца дней стыдился бы своей слабости. А нашу любовь мы доверим времени.

«Жди меня, и я вернусь всем смертям назло, кто не ждал меня, тот пусть скажет – повезло!» – уже здесь, спустя, кажется, века, Слава задушевно читал по вечерам Симонова. И от этих фраз мое сердце обливалось кровью. Да и другие ребята замолкали и вспоминали прошлое – дом, детство, возлюбленных, родных. Каждый из нас уходил в себя и жаждал вернуться.

Я вспомнил момент, который изменил для меня все.

Когда я понял, что между мной и городом, людьми, работой да и самой жизнью лежит огромная пропасть, я купил билет на балет «Щелкунчик», в котором Светлана исполняла роль Маши. Хотел просто увидеть ее в танце. Ее лицо было настолько детским и невинным, что я не смог скрыть свое восхищение. На мгновение наши взгляды пересеклись, и этого было достаточно для сильнейшего разряда. Окрепшие чувства, зрелость мыслей и жажда любви. Мы были слишком похожи и оба не находили слов, чтобы выразить все то, что происходило в наших душах. Восход солнца

после звездной ночи показался мне самым прекрасным явлением во всей моей жизни. Я не понимал, как долгое время внушал себе, что любовь – это просто страстное влечение со своим сроком годности и что это надо пережить. И что только женщины полны эмоций, чувств и могут быть ослеплены мужчиной. Все это полнейший бред. Мне было достаточно одного прикосновения, чтобы рассеять ложь, которой я долгое время питался.

«Я жду ребенка», – робко проговорила Надя, когда я вернулся домой, полный решимости сказать ей правду и, пока не поздно, разойтись.

Тень третья

А пленка все дальше отматывалась назад...

Она не красивая, но симпатичная. В ней столько несочетаемых качеств – и в характере, и во внешности, и в поведении, что временами мне кажется, будто я живу не с Надей, а Надями – абсолютно разными и непохожими друг на друга девочками, девушками и женщинами. Одна – нежная, заботливая и, кажется, влюбленная. Другая – дерзкая, циничная и жестокая. Третья – задумчивая, лиричная и печальная. С ней интересно и никогда не бывает скучно. Мы похожи, потому что оба не сюсюкаем, распуская слюни от любви. Мы вместе живем и... ну просто живем, работаем, отдыхаем, вот сейчас сидим и завтракаем. Она смотрит в телевизор, я – в окно. До судьбоносного посещения «Щелкунчика» оставалась еще неделя.

Надежда дала мне надежду, что я смогу быть с ней счастливым. И я могу. Стараюсь, по крайней мере. Если честно, то она следовала за мной тенью, ходила по пятам еще с пятого класса, напоминая мне неутомимого гномика, терпеливо выжидающего свое счастье. В сущности, вся комедия наших школьных дружеских отношений казалась мне забавной и безобидной, я увлекся похорошевшей рыжей бестией, и это

спасало меня от обиды на Светку. Но где-то в глубине души все содрогалось при мысли о том, что я проведу всю свою жизнь с этой девушкой, так и не признавшись Свете в любви.

Да и со Славкой стало вдруг трудно общаться. Жили бы еще в другом районе, Москва ведь не деревня с одной улицей, так нет, соседи. Приходится, скрепя зубы, призывая мудрость и сражаясь с гневом, смотреть на чужое счастье. Мне казалось, что меня уже ничто не связывает с яркой и играющей цветами жизнью, разве что обычное существование обычного тренера по самообороне и рукопашному бою. И опять величие черного юмора. При этом я был самым незащищенным и податливым человеком. Судьба отправила меня в нокаут. Товарищи хвастались достижениями в работе, важными для карьеры знакомствами и связями, кто-то зарабатывал деньги, кто-то находил счастье в любви. У всех на счету были достижения. Слава завоевывал литературные премии, и его имя не сходило с полос газет и журналов. То и дело ходили слухи, что сам министр культуры заинтересовался творчеством юного писателя. Света нашла себя в искусстве, очаровывая грациозными движениями избалованную московскую публику. Надька рисует. Меня всегда окружали творческие люди. У каждого из них широкая душа и глубокие мысли. Они делятся с ми-

ром своими чувствами и настраивают, как музыкальные инструменты, души зрителей на свет, любовь и красоту. А я лишь учу бить врагов. Наверное, это тоже необходимо, поскольку улица нередко становится трассой опасностей, но в этой профессии мозолями покрыты не только руки, но и чувства, которым нет выхода. Мне был закрыт вход в мир образов, где жили балерины, писатели, музыканты, художники... Проходили дни, месяцы и годы, а мое «я» становилось слишком ненасытным, одиночество ширилось, занимая слишком большое пространство. Мне было жаль Надю. Она видела мои страдания и равнодушие. Видела, но опускала глаза, тихонько прижимала к груди правую руку, как будто успокаивала маленькую девочку, живущую внутри себя и верящую в счастье. Мы оба любили. И понимали тяжесть этого чувства. Хотя и привыкли друг к другу. Как-то раз нам пришлось расстаться на время, на месяц. Надя уехала в деревню к захворавшей бабушке. Через неделю я стал скучать по ней, по ее улыбке, манере класть руку на мою ладонь, когда грусть съедала меня, ее низкому тембру голоса и привычке раскуривать, но не курить сигареты.

Долго держалась этой осенью листва на деревьях. Небо было пасмурным и навевало печаль. Меж двойных рам забила муха. Бедняга, хочет вырваться

на волю. Выпустил. А дворники каждый вечер жгут листья. Кощунственно, на мой взгляд, сжигать такую красоту.

Сегодня случайно пересеклись со Славой на улице. Он увлеченно рассказывал мне о тенях, про которые пишет уже много лет. Для него они стали живыми, дышащими и видящими существами. Странно, как человек в пустоте может разглядеть жизнь и придать ей значение. Более того, заставить остальных поверить в сочиненные истории. Слава был уверен в себе и не знал сомнений и разочарований, от которых седеет талант. Он мыслил не так, как вдалбливали в головы, у него всегда имелся собственный путь. Его дело – идти творческими тропами, встречаясь с вдохновением, испытывая муки и жажду новых идей. Мое дело – горячо любить его женщину, учить детей самообороне и топать по тропе, любуясь горизонтом.

Тень четвертая

«То, что на первый взгляд кажется слабым и доверчивым, на самом деле обладает всесокрушающей мощью», – объясняю я философию борьбы мальчугану, который доверчиво смотрит мне в глаза. Как бы я хотел научить людей защищать не только тело, но и свою душу. Особенно детей, которые являются главными хранителями веры. Борьба придает мне силы и вдохновляет, настраивает на жизнь. Надька гордится мной и всячески подбадривает. С ней легко и весело, как с сестрой. По выходным мы катаемся на великах или гоняем на мотоцикле, который берем у друзей. Она визжит мне в ухо, смеется в голос, обнимает крепко и страстно целует. Что еще нужно молодому парню? Да ни о чем больше и мечтать не смею. Ветер дует в лицо, солнце палит, птицы чирикают, девчонки строят глазки. Жарко. Лежим на траве, под деревом, накинувшим на нас покрывало тени, пьем пиво, болтаем о будущем. Что-то коснулось моей ноги, смотрю – газета, с которой, видимо, заигрался ветер. Дай-ка почитаю, что творится в мире. В разделе «Культура» говорится о новых постановках и среди прочего статья «Величие танца». На фотографии Света – красивая, грациозная и такая... желанная. Быть может, они

со Славой переедут в другую квартиру, и мы встретимся лет через 10 на каком-нибудь проспекте. Так, случайно столкнемся, будем неловко друг другу улыбаться и рассказывать о том, что все хорошо. Семья, дети, работа... Нет. Довольно. «Надя, пойдем домой». Не слышит. Уснула. Смотрю на нее спящую и не смею тревожить. Где-то я потерял себя, как любимый грузовичок, с которым играл все детство, а потом, как-то утром, не смог его нигде найти. Плакал. Остановить не могли. Не понимал, как то, что «мое», может бесследно исчезнуть. И только через полгода увидел свое любимое авто в руках незнакомого пацаненка. Подбежал к мальчику, стал объяснять, просить вернуть, но он лишь засмеялся и сказал: «Что упало — то пропало». Ладно, не буду о грустном. Рядом с Надиной сумкой лежат эскизы. Красиво. Природа, люди, улицы, дома и много-много скамеек. Интересно, с чем же это связано? Не знал, что Наде так нравятся пустые скамейки, навевающие мысли об одиночестве. Хотя что я о ней вообще знаю? Более того, я даже не задумывался о сокровенных отсеках ее личности.

Сигарета истлела. У меня много долгов. Перед матерью, Надей и собственной жизнью. Скупая слеза стекает по левой щеке. Рву ворот рубахи, пуговицы скачут по земле. Надя проснулась. Испуганно посмотрела на меня. «Зачем ты рисуешь пустые лавочки?»

Рассеянный взгляд сопровождала одна-единственная фраза: «Они не пустые. На них сидят судьбы». Белые облака медленно двигаются по небу. Бабка в детстве рассказывала мне сказку, как на окраине маленького городка жил старец и каждое утро взбивал несчастья и беды, превращая их в невесомые подушки. Так рождались облака. А я ей верил. Верил, что грусть можно так же взять, взбить и отправить на небо. Надя подходит ко мне и кладет на мои плечи холодные пальцы. Я слышу ее дыхание, смотрю в печальные глаза. Легкая тень улыбки на лице и... она настойчиво целует мои пересохшие губы. Да, сложно признать, но женщина сильнее мужчины.

Тень пятая

Запотевшее окно. Занавешенное зеркало. Горящие свечи. Вопиющая тишина. И множество теней. Мать за один день поседела как за десять лет. Как же они любили друг друга! Отец был главой семьи, защитником и кормильцем. Настоящим мужчиной, который умел быть и мужественным, и романтичным, и суровым, но чаще всего просто очень добрым. Он баловал нас с матерью вкусностями и возил на курорты. Да и профессия у него самая что ни на есть благородная – врач. Он умер с книгой Борхеса в руках. Тихо, никого не беспокоя. Так уходят чистые душой люди. Как много я не успел ему сказать! Банально, глупо, но безумно хочется вернуть хотя бы один день из его жизни. Обнять отца и побродить с ним по нашему любимому парку.

Дождь барабанит по крыше, мама молится, ее сестра накрывает на стол. Впервые я увидел, что такое смерть. До этого только слышал и не придавал ей особого значения. Тогда она меня не касалась.

Я только что окончил девятый класс, не успел даже аттестат показать отцу. Хотел идти в десятый, но жизнь вмешалась в мои планы. Мама по состоянию здоровья не могла работать, поэтому я принял реше-

ние идти в спортзал – вести группы по самообороне. Меня долгое время тренировал директор клуба физической подготовки, поэтому проблем с трудоустройством не было. Он отлично знал мои способности и доверил маленьких ребят. Конечно, смерть отца, работа и ответственность за мать изменили мой характер. Как будто на мое место пришел другой человек. Взрослый.

От желаний, грез и мечтаний я устал. Захотел чего-то реального, осязаемого. Света в упор меня не замечает. На выпускном вечере, когда я только сделал шаг ей навстречу, теребя скомканную бумажку в кармане с сочиненным лично для нее стихотворением – признанием в любви, она при всех, никого не стесняясь, начала целоваться со Славой. Хороши, нечего сказать. Тогда я понял, что все потеряно. Девочка, которую я когда-то защищал, выросла и выбрала себе другого защитника. А я все школьные годы надеялся на какое-то чудо. Ждал, что наступит день и мы начнем встречаться. Обидно то, что в этом деле замешан мой друг, Слава. В детском садике мы ненавидели друг друга, а в школе подружились. Случилось это как-то само собой. Сначала он ни с того ни с сего помог мне написать сочинение, затем я дал ему списать математику. На перемене мы вместе ходили в столовую, и за обедом я выслушивал его рассказы, кото-

рые многим казались чудными. Вряд ли, конечно, из него выйдет писатель, уж слишком бурная фантазия, не верится мне, что за тенью скрыт какой-то смысл. Все это глупости. Просто игра света. Светка... проходит мимо нас и улыбается Славке. А он принялся доверять мне свои сердечные тайны. О том, как жить без нее не может, как выписывает под ее окном мелом фразы «Доброе утро» и «Спокойной ночи», как сочиняет ей поэмы и подкидывает их в пенал. А когда уж Слава стал давать мне на прочтение свои творения, то я вообще потерял дар речи и не знал, как поступить в данной ситуации. Разум в юности включается лишь в особо экстренных случаях, любопытство всегда на подхвате. Восторженные, поэтические и удивительно красивые послания. Я изумлялся, как мог белый лист бумаги вместить столько чувств и эмоций. И, несмотря на молодость, я понял, что история их любви будет долгой...

Тень шестая

Надька долгое время была моей подругой, которую я не воспринимал всерьез. Пока она меня не поцеловала в седьмом классе. Поцеловала и убежала, а я не знал, что с этим делать. Решил воспринять это за шутку, девичий интерес, хотя, конечно, своим поступком она меня зацепила. Ну, симпатичная девчонка с двумя рыжими косичками, как две капли воды похожая на Пеппи Длинныйчулок. Прикольная. Пришла к нам из другой школы в четвертом классе, села за вторую парту возле окна и смотрела на меня как-то странно, искоса. Отличницей она не была, но зато лучше всех рисовала. А я в то время мстил Светке, ухаживал за самой красивой девочкой в классе – Нинкой Воронцовой, которая улыбалась мне так, словно я ее мечта. Однажды даже подрался из-за нее с ребятами из параллельного класса. Был один из них влюблен по уши в эту юную красотку, вот и собрал друзей да решил меня проучить. Смешной такой! Не знал, что я уже третий год занимаюсь рукопашным боем. Нарвались ребята. А меня потом вызвали на ковер, к директору и заставили отвечать за каждый их фингал. Ну ее, эту Нинку. Вечно крутится перед зеркалом и высматривает там невесть что. Возомнила себя Королевой. Дру-

гое дело Светочка. Скромная, прилежная и такая красивая. Пройдет мимо меня, посмотрит из-под ресниц так, словно в первый раз увидела. Ничего, она меня еще узнает! Сама будет тенью следовать, а не хвостиком ходить за этим Славкой, который вечно корчит из себя примерного мальчика. И учителя его хвалят, и девочкам он нравится, и сочиняет лучше всех. А мне папа говорил, что тот, кто много фантазирует, либо дурак, либо гений. Так что Славка точно дурак. И все-таки жизнь прекрасная штука! Скоро каникулы, а это значит, что я поеду на все лето к бабушке в деревню. А там... свобода! Утром пособираю в трехлитровый баллон колорадских жуков с кустов картошки и пойду с ребятами на речку, будем там купаться и дурачиться, потом спать, а вечером опять во дворе будем носиться, как бабуля говорит: сломя голову, играть в казаков-разбойников и перестрелку и запугивать до смерти всех соседских кошек. Эх, поскорей бы! Жаль только, что со Светкой придется расстаться на целых три месяца. Ну ничего, соскучится по мне и, может, перестанет ходить вокруг да около.

Тень седьмая

Мама говорит, что любовь возможна только у взрослых, а в детстве это всего лишь влюбленность. Папа ей поддакивает, но по его взгляду мне кажется, что он на моей стороне. Однако, не все так просто, похоже, что за свою девочку мне придется сразиться, поскольку она все больше времени стала проводить со Славой. И почему так судьба несправедлива? Бабушка, когда я у нее бываю летом в деревне, часто ведет со мной беседы, которые она называет «за жизнь». Когда видит, что я ленюсь, сядет вечером возле печки да давай меня пичкать своими премудростями: «Делу – время, потехе – час», «Землю красит солнце, а человека труд», и еще множество заумных фраз, которые я никогда не запомню, например, такая поговорка, как «Внучок, с мастерством люди не родятся, но добытым мастерством гордятся». Интересно, выходит, что Светку мне надо добыть и только тогда я буду ею гордиться? «Бабуль, а вы с дедушкой сразу друг друга полюбили?» Она вздохнет над моим вопросом, посмотрит куда-то вдаль, кивнет пару раз и вытрет слезу. «Сразу, внучок. Настоящую любовь сразу узнаешь. По глазам». Да, бабушка права. У Светки красивые карие глаза, блестящие такие и большие,

как у сказочного олененка.

А сегодня я впервые задумался над тем, откуда же я все-таки взялся и куда уйду после этой жизни? Бабушка посмотрела на меня из-под своих очков добрым взглядом, улыбнулась и ответила: «Все мы дети Бога. Он дает нам жизнь, он и забирает». Хотел бы я увидеть этого волшебника, только, видимо, у него слишком много работы, чтобы, как говорит мама, выходить в свет. Да я и не обижаюсь. Кто как хочет, так и живет. Даже бабушки разные. Одни на лавочке сидят да косточки всем перемывают и нас ругают за то, что мячом громко стучим о землю. Другие круглосуточно живут у телевизора. А третьи, такие, как моя бабушка, встают ни свет ни заря, целыми днями работают – то в огороде, то дома и еще собирают вокруг себя всю семью. Так говорят образно, но иногда вся семья действительно собирается за огромным столом.

Скоро я вырасту и буду со Светкой тоже стол накрывать и друзей приглашать. Вот и лето проходит к концу, а мне так не хочется возвращаться домой. Здесь меня все слушаются, стоило только один раз проучить местного хулигана, ворующего фрукты с чужих огородов, как я стал законным лидером. И все меня похвалили. А в детском садике как что, так сразу воспитатель в угол ставит или родителям жалуется. Ну, что я могу поделать, если Славка пристает к Светке? Ко-

нечно же, учить его уму-разуму. Вот я и учу – подкладываю жвачки и маленькие каштанчики в скорлупке в постель, бужу его во время дневного сна и прячу игрушки под деревьями. По-моему, все верно и безобидно. Будет знать, как заходить на чужую территорию. Стоило мне один денек прогулять садик, как он, видите ли, возомнил себя королем. А как все у нас начиналось! Как в сказке. В последний день летних каникул я набрался храбрости и во всем признался бабушке: «Я скоро женюсь, сразу же, как только вырасту!» Она, ничуть не удивившись, спросила: «Ты помнишь, внучок, как вы познакомились?» Ха! Конечно, помню! Как же это я могу забыть? Она, такая маленькая и красивенькая, с двумя бантами, в голубеньком платице и белых босоножках пришла в садик за ручку со своей тетей. У нее нет родителей. Но дети этого не поняли и начали обсмеивать Свету, вот я ее и защитил, а потом мы шли с ней в паре на прогулку... Бабушка, это ведь любовь, да, правда?» – «Внучек, похоже, что да. Любовь – это когда помнишь, во что она была одета на свидании. А если помнишь себя, то это всего лишь влюбленность. Пойдем спать. Утро вечера мудренее».

...А еще мне кажется, что я помню Светку даже с еще более раннего времени. словно мы, два плотно запеленатых свертка, лежим рядом и смотрим друг на

друга едва успевшими сфокусироваться глазами.
Может, я это придумал, не знаю...

Тень восьмая

Сегодня, 12 июля, началась моя жизнь, хотя родители об этом даже не догадываются. Я мальчик. Как здорово ощущать рождение новой жизни, оставив позади старые. Сначала я научился открывать рот, затем услышал удары сердца, вскоре мои ручки и ножки начали принимать форму, а глаза потихоньку научатся видеть. Поскорее бы выбраться на свет. Я прекрасно знаю, что моя жизнь будет короткой, но интересной. У меня будут хорошие родители, прекрасное детство и город, в котором можно реализовать многие возможности. Я пришел сюда снова, чтобы отдать долг моему брату, которого в этом воплощении назовут Славой, которого я обижал и унижал в той жизни... Еще раз встретиться со своей дочкой, теперь ее имя Светочка, которой я, когда был ее отцом, уделял так мало внимания, заботы и любви. Да и матери своей, чье имя ныне Надежда, которая в прошлой жизни оставила нас с братом в детском доме, предоставить возможность исправить свою ошибку.

Жаль, что свет сотрет тень моих воспоминаний. Но я надеюсь, что судьба подскажет мне путь, и я выполню свое предназначение.

Круг за кругом, воплощение за воплощением, мы

приходим в эту жизнь с надеждой что-то изменить, и только от нас зависит, достигнем ли мы этой цели. Все в этом мире зависит от нас и нашего умения быть искренними с собой. Остальное – лишь тень... тень нашего света.